

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Александр ТАМОНИКОВ

АФГАНСКИЙ
ГЛАДИАТОР

Александр Тимохин

Александр Тамоников
Афганский гладиатор

«ЭКСМО»

2008

Тамоников А. А.

Афганский гладиатор / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2008 — (Александр Тимохин)

ISBN 978-5-699-29742-9

Офицер из ремонтного батальона, дислоцированного в Туркмении, ведет двойную жизнь. Никто и не догадывается, что в частых командировках старлей Александр Тимохин рискует жизнью на сложнейших боевых заданиях. Он – боец особой, сверхсекретной группы спецназа. Львиную долю задач он выполняет на территории Афганистана. Вот и на этот раз Александру предстоит вместе с горсткой бойцов разгромить отлично укрепленную базу моджахедов и захватить полковника Кашнина, продавшегося врагу.

ISBN 978-5-699-29742-9

© Тамоников А. А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Глава первая	7
Глава вторая	20
Глава третья	33
Глава четвертая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Тамоников

Афганский гладиатор

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Всякое совпадение случайно и непреднамеренно.*

...В самый разгар афганской войны потери среди личного состава и боевой техники 40-й армии резко увеличились. Участились нападения на автомобильные колонны. Выходящие в рейды боевые подразделения попадали в заранее подготовленные засады или встречали мощное сопротивление моджахедов там, где такового по планам штабов быть не могло. Снизилась эффективность действий подразделений специального и особого назначений. Душманы словно знали, где, когда, какими силами и с какой целью будут работать наши спецназовцы. И те в лучшем случае находили районы выполнения задачи свободными от бандитов, в худшем – вынужденно вступали в неравный бой, обреченные на гибель. Все это говорило о том, что главарям моджахедов с помощью иностранных, в основном американских, инструкторов все же удалось создать неплохо функционирующую разведывательную агентурную сеть, поставляющую в Пакистан весьма ценную и достоверную информацию, используя которую, душманы смогли усилить свои позиции в войне. Советское военное руководство немедленно отреагировало на изменение общей обстановки в Афганистане и провело ряд широкомасштабных мероприятий по исправлению ситуации. Удалось сделать многое. Но не все из того, что требовалось. Да и практически невозможно было перекрыть все каналы доставки разведывательной информации в логово главарей афганских моджахедов, обосновавшихся в Пакистане. Что позволило противнику, пусть менее активно и не столь эффективно, но продолжать организовывать и проводить боевые акции против войск 40-й армии. Изменили душманы и тактику своих действий. Под различными предлогами, а чаще с помощью провокаций и запугивания мирного населения они уводили в горы простых дехкан, сколачивая из них новые банды. Караваны из Пакистана доставляли в Афганистан все необходимое для ведения непрерывной партизанской войны с «неверными» – оружие и боеприпасы, продовольствие и снаряжение. Перебрасывались из сопредельного с Афганистаном исламского государства и крупные партии наркотиков. В основном для распространения их среди советских военнослужащих. На перехват караванов и уничтожение лагерей моджахедов, как и прежде, привлекались силы спецназа. И не только армейского. Но, как и прежде, эффективность применения отрядов и групп спецназа, дислоцировавшихся на территории Афганистана, не достигала нужного уровня. Противник успевал скрыться или уклониться от ударов советских спецов. Очевидно, что духи внимательно отслеживали все перемещения особо опасных для них подразделений. Проблему же надо было снимать как можно быстрее, дабы не позволить моджахедам изменить обстановку. И тогда военное руководство принимает решение о создании групп специального назначения на территории Советского Союза. Из числа офицеров и прапорщиков, проходящих службу в соединениях и частях Краснознаменного ТуркВО, с подготовкой в учебных центрах округа и дальнейшим точечным использованием против моджахедов в Афганистане с территории Союза. И первые же боевые выходы секретных подразделений в полной мере оправдали правильность принятого командованием решения. Группы наносили удары внезапно, молниеносно и, выполнив задачу, словно растворялись, чтобы вновь проявить себя там, где духи их не ждали. Спустя короткое время секретные подразделения специального назначения стали ощутимой головной болью для главарей афганских моджахедов. Они просчитали, что эти подразделения действуют с территории Союза, но информации по их планам не имели. Контрразведка позаботилась о перекрытии каналов возможной утечки столь важной информации. Да что говорить о душманах, если даже в войсковых частях, в штате которых состояли офицеры, привлекаемые к диверсионным мероприятиям, никто, кроме командира части, не знал об этом. Просто иногда

офицер-диверсант убывал в служебную командировку, что не являлось чем-то необычным и широко практиковалось в армии. А вот куда он убывал на самом деле, в это был посвящен весьма ограниченный круг лиц, обеспечивающих работу секретных подразделений. ...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Военный городок в семи километрах от туркменского поселка Кара-Тепе. Суббота, девятое июня. Парково-хозяйственный день в отдельном ремонтно-восстановительном батальоне N-ской мотострелковой дивизии закончился командой зампотеха части капитана Павлова на общее построение. Роты выстроились перед боксом длительного хранения новых машин из состава передвижной авторемонтной мастерской ПАРМ-3М. Павлов произнес короткую речь, и подразделения двинулись к открытым воротам контрольно-технического пункта и далее по аллее к плацу, зажатом у с трех сторон одноэтажными казармами батальона. Роту по ремонту автомобильной техники вел командир взвода прапорщик Андрей Леонидов, молодой человек, недавно прибывший в часть после окончания школы прапорщиков. Ротный, капитан Смагин, которому по возрасту и выслуге лет следовало быть как минимум начальником техслужбы полка, с заместителем, 25-летним старшим лейтенантом Тимохиным, задержались в парке. Капитан опечатал пункт технического обслуживания и ремонта машин, засунул алюминиевую печать в карман летнего танкового, песчаного цвета комбинезона. Взглянул на заместителя:

– Ну что, Шурик, расслабимся? Заслужили!

Старший лейтенант согласно кивнул:

– Можно! Вот только спирт сейчас тяжело пойдет. Жарко.

На улице, действительно, было 32 градуса, хотя дальше будет хуже, когда термометр начнет зашкаливать за 45 в тени. И солнце будет палить нещадно, и на небе до глубокой осени не увидишь ни облачка.

Ротный спросил:

– Я предложил пить спирт?

Заместитель посмотрел на командира:

– Так за водкой придется в поселок ехать!

Приказом начальника гарнизона, в состав которого, кроме рембата, входили мотострелковый и танковый полки, а также отдельный медико-санитарный батальон, командира танкового полка полковника Крапивина, продажа спиртного на территории военного городка была запрещена.

– Хотя, – предложил старший лейтенант, – у меня тачка на ходу, можем и в Кара-Тепе слетать. Заодно затариться пойлом и под вечер отдыха. На сегодня в клубе дискотеку назначили. Когда за сигаретами в магазин ходил, объявление видел. Начало в 20-00.

– Дискотека, говоришь? Это хорошо! А вот кто у нас сегодня с вечера и до утра завтра ответственный по роте?

Тимохин знал, что именно он должен заступить на это дополнительное, не нормируемое никакими уставами дежурство, узаконенное приказом того же неугомонного Крапивина с целью обеспечения круглосуточного контроля за солдатами срочной службы во всех ротах батальонов и полков гарнизона. Ответил:

– Да пошел бы он к черту, этот танковый полкан! Тоже мне служака. Без году неделя в гарнизоне, а уже и спиртное убрал, раньше его в Доме офицеров и магазинах завались было, и каких-то ответственных напридумывал. Хочет выслужиться до лампасов, пусть выслуживается, гнется перед вышестоящим командованием, у себя в полку порядки лагерные наводит, но мы-то, офицеры других частей, при чем?

– Так приказ, Шура, на все части распространяется!

– И как же вся эта мутотень и показуха надоели. Уж до чего в Венгрии дисциплиной душили, но по делу. И безо всяких выдрепонов. Что надо, то и делали. Да и марку перед мадьярами держать нужно было. А здесь? Задрипанный, богом забытый гарнизон в песках и в пятистах верстах от Ашхабада, единственного приличного города в этой песчаной тундре, а понтов больше, чем в боевой части. А меня, Серега, от этой показухи блевать, как с глубокого перепоя, тянет.

Капитан положил руку на плечо заместителя:

– Ну-ну! Чего разошелся, Саня?

– Разойдешься тут! Этот танкист лучше скважины бурил бы, чем шляться по гарнизону да на мозги всем капать по делу и без дела. А то в частный сектор воду водовозами возят. Ладно, у кого жена, дома затарит емкости, а мне как быть? Эта водовозка по городку мечется, когда я на службе. В итоге ни душа принять, ни комбез постирать. На арык приходится ходить. Это порядок?

Капитан опустил руку, достал пачку «Ростова», указал на курилку с торца казармы:

– Пойдем покурим!

Обосновавшись в курилке, закурили. Смагин сказал:

– Ты, Сань, не обижайся, но если можешь, ответь на вопрос.

Заместитель взглянул на командира:

– Чего ты кружева вдруг плести начал? «Не обижайся, если можешь?» Спрашивай, чего хотел спросить?

– Ты вроде как женат, так?

– Вот ты о чем? Вроде женат! А точнее, официально женат, отметка в удостоверении личности имеется, и что?

– Мы с тобой здесь два года почти, а твоя благоверная ни разу не приезжала в гарнизон. У вас что, любовь по-французски? Каждый живет в свое удовольствие?

– Нет у нас никакой любви. Ни по-французски, ни по-гондурасски. И семьи нет. В Венгрии что-то подобное было, здесь нет. Осталась только запись в удостоверении.

– А чего не разводитесь?

– Разведемся! Вот поеду в отпуск и решу семейные дела.

– Почему раньше не решал?

Старший лейтенант отбросил окурок:

– Да чего ты привязался? Хрен его знает, почему не решал. Руки не доходили. Останавливался я у матери, да и то на пару суток, потом к деду, в деревню. Из деревни – в лес на озеро. Там и банька, и домик. В хате самогон. Не сивуха какая, а первач. Пока отопьешься, отпарись, отойдешь, за карасем сплаваешь пару раз, отпуску и конец. Но на этот раз разделаюсь с Алевтиной Дмитриевной, супругой своей.

– Если опять к деду не свалишь!

Тимохин вздохнул:

– Теперь не свалю. Умер он. Зимой.

– Извини.

– За что, Серега? Ты-то при чем, что дед умер? Отжил старик свое! Последнее время, мать писала, дед сильно по бабушке, жене своей, тосковал. Она молодой умерла, я ее не помню. Тосковал и все твердил, быстрее бы Аннушка к себе взяла. Вот и ушел ... к Аннушке! А чтобы закрыть тему по моей семье, добавлю, что я и отца родного не помню. Мать говорила, легчиком был, разбился. Пацаном был – верил, сейчас – сам понимаешь. Стандартная байка. Но я не в претензии. Ни к кому. Ни к матери, ни к отцу, если он жив и где-то с другой семьей обретается, ни даже к Алке! У каждого своя жизнь, своя судьба! А винить кого-то, упрекать, разбираться – это не для меня! Еще вопросы, касающиеся личной жизни, будут? Спрашивай, командир, пока отвечаю. Закроюсь – слова не вытянешь!

– Спрошу, Сань! А с медсестрой из медсанбата у тебя серьезно или по-походному?

– Это с какой, не подскажешь?

– Ну чего ты дурачка ломаешь? Ведь знаешь, что моя тоже в медсанбате служит!

– Ну, бабы! Ничего мимо не пропустят! Про языки, вообще молчу. У меня в Венгрии роман с одной мадьяркой был. Представляешь, солидная женщина, старше меня на десять лет, жила в соседнем городе, одна в собственном доме. Познакомились случайно, на вождении учебном «Урал» возле ее хаты встал. Закипел. Я в дом за водой. Слово за слово, договорились вечером встретиться. У нее. Встретились. Потом еще. Короче, стал нырять к ней. И хорошо мне с Мартой было, Серега. А главное, никто из наших об этой связи не знал. Где городок военный, а где соседний город? И что ты думаешь? Тайное стало явным. Меня на полигон отправили, а Марту предупредить не успел. Так она сама в часть явилась и у КПП прямо на особиста и нарвалась. Спрашивает, как ей меня увидеть. Особист, не будь дурак, в раскрутку мадьярку. Та и раскололась по полной. Это утром было, а вечером уже весь городок о моих приключениях знал, включая благоверную. Но с Аллой ладно. Мы уже тогда практически не жили семьей. Терпели друг друга, не более. Но как быстро слух по гарнизону разнесся! Ведь с Мартой базарил только особист. Но особист рассказал о моих делах командиру части, тот своей жене... дальше, думаю, продолжать нет смысла? Пришлось расстаться с дамой. Да все одно у нас с ней не было будущего, только настоящее, и то резко оборванное. Я сразу стал морально неустойчив. Может, и откомандировали бы в Союз, но комдив дело замаял. А потом я рапорт в Афган подал. Рапорт удовлетворили, только вместо Афганистана прямиком отправили из Ташкента в наш солнечный Кара-Тепе. Такой вот расклад, Серега!

Капитан, выслушав монолог заместителя, заметил:

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Ты все о медсестре?

– Да, о сержанте Ирине Люблиной.

– И какой ждешь ответ? Люблю ли я ее? Нет! Симпатия есть, любви нет. Да этой любви у меня ни к кому, кроме матери, не осталось. Сплю с Люблиной? Это, извини, не твое дело! Что будет дальше, не знаю! И не хочу знать! Пусть все идет как идет! Чем-нибудь да закончится. Или, напротив, начнется! Ну, что насчет расслабухи? Или передумал?

Ротный встал:

– Не передумал. И ты прав. Идет оно все к черту! Я вот тоже десятый год в капитанах хожу! Три округа сменил. А на Украине, под Харьковом, дом свой. Иногда думаю – и чего я до сих пор в армии парюсь? Но супруга, Марина, говорит, давай до пенсии дослужим. А до нее недолго осталось. И у супруги тоже.

Поднялся и Тимохин:

– Ну да, она ж у тебя тоже капитан. А с пенсией на гражданке жить веселей будет, да, Серега?

– Конечно! Слушай, вот что! У нас Леонидов молодой?

– Молодой!

– Ему практического опыта в работе с личным составом набираться надо?

– Обязательно!

– И авторитет зарабатывать надо! Иначе какой из него командир взвода, так?

– Абсолютно верно! Тем более прапорщик холостой!

– Точно, вот он пусть и работает с личным составом, опыта набирается, авторитет зарабатывает. Короче, сегодня прапорщик Леонидов заступит ответственным по роте!

Старший лейтенант поднял указательный палец правой руки вверх:

– Очень мудрое и своевременное решение! Как говорится, молодым везде у нас дорога. Вот и флаг ему в руки, пусть шагает по этой дороге строевым, парадным шагом.

Из-за кустов, ровными подстриженными рядами окаймляющих аллеи военного городка, неожиданно появился солдат с красной повязкой на левой руке и белой надписью «помощник дежурного по батальону». В руках он держал бордового цвета журнал. Козырнул:

– Товарищ капитан, разрешите обратиться к товарищу старшему лейтенанту?

Смагин спросил:

– Чего тебе?

Рядовой указал на журнал:

– Товарищу старшему лейтенанту тута расписаться надо.

Тимохин воскликнул:

– Чего? Ты чего, боец, притащил? Книгу нарядов?

– Так точно! Начальник штаба приказал передать, что вы сегодня заступаете дежурным по батальону.

– А не пошел бы ты вместе с начальником ...

Смагин осадил заместителя:

– Ну чего ты на солдата срываешься? Он-то в чем виноват? Ему приказали, он и выполнил приказ.

Тимохин подошел к молодому парнишке:

– Ладно, извини! Дай-ка мне этот журнал.

Рядовой передал книгу нарядов офицеру.

Старший лейтенант раскрыл ее:

– Точно, дежурство по части, и сегодня. Он что, охренел, этот Гломов? Нет, ты глянь, Серег! Сначала был внесен старший лейтенант Булыгин, потом зачеркнут, а вместо него меня вмадили.

– Ну что ты хочешь? Булыгин же сейчас не только замполит роты по ремонту бронетанковой техники, он по совместительству еще и секретарь партийного бюро батальона. А секретарю партбюро не по чину каким-то дежурным по нарядам шастать. У него дела поважней. Воспитание личного состава, нас с тобой и вот рядового в том числе!

– Да? Ну уж хрен они угадали!

Старший лейтенант достал из кармана шариковую ручку. Зачеркнул свою фамилию и выше написал – дежурным по батальону 9 июня заступает начальник штаба капитан Гломов. И расписался – старший лейтенант Тимохин. Закрыв журнал, передал его посыльному:

– Иди, боец, в штаб прямиком к капитану Гломову и отдай ему книгу нарядов. Понял?

Солдат сжался:

– А мне ничего не будет?

– За что? Тебе приказали найти меня?

– Так точно!

– Приказали, чтобы я расписался в книге нарядов?

– Так точно!

– Приказали передать, что я заступаю дежурным по батальону?

– Так точно!

– Ну вот! Ты и нашел меня, и передал то, что требовалось, я расписался. А что дописал, так это тебя не касается. Ты приказ выполнил. Так что смело дуй в штаб и ничего не бойся. И вообще, подтянись, чего согнулся, словно ждешь, когда тебя ударят? Ты солдат, а это звучит гордо! И смелей шагай по жизни! Веселей! Научись уважать себя, тогда и другие будут уважать! Свободен!

Рядовой, улыбнувшись, ответил:

– Есть!

И, развернувшись, побежал в сторону штаба.

Смагин, видевший, ЧТО написал его заместитель в книге нарядов, укоризненно покачал головой:

– Зря ты так с начштабом, Сань! Гломов злопамятный!

– Да знаю я его, Серега, как облупленного! В одной роте учились. Сержантом он был в соседнем взводе. И стукачом у ротного. Однажды ребята на третьем курсе выпили, Гломов их сдал. Ротный пьянку замаял, ему не в кайф, чтобы начальство об этом узнало, а Гломову, или Лому, как его в училище звали, ночью «темную» устроили. Ввалили по первое число. В момент стучать перестал! И боялся, как бы на выпуске еще морду не набили! Получил погоны, диплом, предписание и первым самолетом рванул в столицу. Не решился в кабаке выпуск отметить. Возможно, правильно сделал. А сейчас, смотри! Капитан! Начальник штаба отдельного батальона! Наверняка уже в Питере, в Академии тыла и транспорта, себя видит! Чмо болотное.

– А чего он холостой? Вроде мужик видный!

– Это сейчас холостой, сука! Раньше женатым был. Девчонку хорошую, дочку преподавателя училища, соблазнил. А потом из-за какой шлюхи кинул вместе с ребенком. Встречал ребят в Ашхабаде, с которыми учился, они рассказали его историю. Лом же с автобата к нам перевелся. А шлюху его местные прибили. Зарезали на какой-то блатхате. Представляю, как он взвывается, прочитав мою запись. Ну и хрен с ним. Мы-то с тобой в поселок едем? Или так и будем возле казармы отираться? Считай, час уже потеряли!

Капитан сказал с заместителю:

– Знаешь что, Сань! Послушай совета. Иди-ка ты в штаб да прикрой скандал. Тем более комбат к тебе хорошо относится и на месте он сейчас. И в наряд заступи. Ничего не случится. Подумаешь, сутки в выходные отстоять. Да и ехать нам куда не надо. Как вернешься из штаба, пойдем ко мне домой. В холодильнике пузырь с четверга стоит, в автолавке прихватил. Марина обедом накормит. До развода отоспишься. И все будет нормально. Зачем тебе лишние проблемы? Да и мне тоже?

– Да? Так бы и сказал, что тебе проблемы не нужны. А они...

Слова старшего лейтенанта прервал все тот же солдат-посыльный. Запыхавшись от бега, он обратился к Тимохину:

– Товарищ старший лейтенант, вас срочно вызывает в штаб командир батальона!

Тимохин кивнул солдату, повернулся к ротному:

– Придется идти! Да это и к лучшему! Так ты дожись, пузырь мы с тобой все же сегодня уговорим.

– Ты только без глупостей, Сань!

Старший лейтенант наигранно козырнул:

– Есть, товарищ капитан!

И хлопнул посыльного по плечу:

– Ну что, военный, пойдем?

– Так точно, товарищ старший лейтенант!

– За журнал сильно досталось?

– Да не сказать, чтобы очень. Думал, хуже будет!

– Ничего. Держи хвост пистолетом. И помни – дембель, он с каждой секундой все ближе! И время не остановить. Никому и никогда! Идем, брат по оружию!

Штаб рембата находился за трехэтажными казармами танкового полка, и Тимохину с посыльным понадобилось несколько минут, чтобы дойти до здания Управления войсковой части. На входе курил дежурный по батальону, товарищ Тимохина, командир взвода роты по ремонту бронетанковой техники лейтенант Шестаков, который носил по две маленькие звездочки на погонах уже пятый год. Это говорило о том, что службистом Шестаков был еще тем. При виде Тимохина лейтенант улыбнулся:

– Привет, Шура! Приятный сюрприз подкинул тебе наш Гломов. Лучше не придумаешь!

– И чего ты скалишься? Если мне менять тебя, то я могу задержать твою персону в штабе до полуночи. И обломится, тебе, Вадик, дискотека.

– Ну, во-первых, на такую подлянку ты не способен, а во-вторых, я тоже не пацан и за службу, как знаешь, особо не держусь. Положу пистолет в сейф, ключи на стол – и до свидания. Так что никакого облома не будет.

– Да ты у нас борзый! Но ладно, комбат у себя?

– У себя!

– Один?

– Не-а! С товарищем капитаном Гломовым!

– И как начальник штаба среагировал на мою запись в книге нарядов?

Шестаков рассмеялся:

– Этого, Шура, словами не опишешь. Но зацепил ты его хорошо. Лично я давно такого удовольствия в нарядах не получал, будучи свидетелем ознакомления Гломова с изменениями в составе наряда.

Тимохин достал сигарету. Шестаков посоветовал:

– Ты бы потом покурил! Сначала лучше отстреляться у комбата. Нетрудно догадаться, как ему подал твою выходку начальник штаба.

Старший лейтенант махнул рукой:

– Плевать! Подождут! Дай спички, мои кончились.

– Может, треху одолжить, а то, смотрю, обеднел?

– Рот прикрой! Это мой тебе совет!

– Понял! Держи!

Тимохин прикурил сигарету, сунул спички в свой карман. Лейтенант было воспротивился подобной экспроприации, но заместитель командира роты по ремонту автомобилей хлопнул друга по груди:

– Не дергайся. На треху ты себе сотню коробок купишь.

Лейтенант не обижался на Тимохина, искренне уважая этого независимого, умеющего держать себя достойно перед любым начальством и при любых обстоятельствах офицера.

– Это не я, это ты, Шура, борзый! Но хрен с ними, со спичками. Ты мне вот что скажи, будешь до конца от наряда отмазываться?

– Посмотрим!

– Если что, я на твоей стороне!

– Знаю!

Тимохин сделал пару затяжек и обернулся. В предбаннике показалась машинистка штаба Катя Назарова, довольно привлекательная женщина двадцати пяти лет. Холостячка. Каковой стала сравнительно недавно. Муженек ее бывший, прапорщик, получив распределение в ГСВГ – Группу советских войск в Германии, решил жену на Запад с собой не брать. Сумел в отпуске по семейным обстоятельствам оформить развод с Екатериной и свалить в Германию, оставив подругу жизни в богом забытом среднеазиатском гарнизоне. Как прапорщику удалось быстро повернуть брачную аферу, осталось тайной. Даже для особиста, не говоря уже о Кате, которая и стала неожиданно для всех, и в первую очередь для себя, холостой, разведенкой.

Она подошла к офицерам, поздоровалась с Тимохиным:

– Привет, Саня!

Достала сигарету, спросила:

– Кто даст прикурить даме?

Старший лейтенант чиркнул спичкой:

– Для тебя, Катя, все что угодно!

Женщина сощурила в меру подкрашенные глаза:

– Да? Тогда приходи вечером в гости! Посидим, шампанского выпьем. Ну, а потом я скажу тебе, что мне угодно!

И рассмеялась:

– Ну как, Саша? Придешь?

Вперед выступил Шестаков:

– Он, Катюша, не сможет! Видишь ли, в наряд заступает, меня меняет. А вот я, как смеюсь, весь к твоим услугам. Все розы возле штаба пехоты оборву и брошу к твоим ногам.

– Дурное дело, я имею в виду оборвать цветы, нехитрое. Сложнее найти путь к сердцу дамы без подарков.

– Так можно и без цветов...

Екатерина вздохнула:

– Эх, Вадик, Вадик, ты с виду мужик ничего, а вот любовник, видимо, никудышный!

– Откуда тебе знать?

– Да видела позавчера утром, как тебя Вера Сайфулина из дома чуть ли не веником выгнала. Что, не угодил Верунчику?

Тимохин прервал перебранку дежурного офицера с машинисткой штаба:

– Давайте, воркуйте дальше без меня, а я к комбату!

Екатерина спросила:

– Так мне ждать тебя?

– Тебе же Вадим русским языком сказал, в наряд я сегодня заступаю!

– А после наряда? Я терпеливая!

– Нет! Не ждать! Не приду!

– Ну, конечно, у тебя же роман с Ирой Люблиной?! Как же я забыла! И что вас, мужиков, все больше в медсанбат тянет? Ну, да ладно, иди своей дорогой и считай, пошутила я! Удачи!

– Спасибо!

Старший лейтенант прошел в торец коридора, вошел в приемную командира и начальника штаба. Без стука открыл дверь кабинета командира батальона подполковника Галаева:

– Разрешите войти, товарищ подполковник?

Командир части, сидящий за своим рабочим столом, ответил встречным вопросом:

– А ты разве еще не вошел? Проходи! Присаживайся.

Старший лейтенант устроился на старом скрипучем стуле напротив начальника штаба.

Впрочем, капитан Гломов тут же поднялся:

– Не буду вам мешать! Займусь более насущными делами, нежели беседой с потерявшим всякое понятие об элементарной субординации и офицерской порядочности товарищем Тимохиным.

Александр огрызнулся:

– На себя посмотри, начальник! И не тебе судить о моей порядочности!

Подполковник повысил голос:

– А ну, Тимохин, отставить балаган!

Галаев повернулся к начальнику штаба:

– Идите, Валерий Михайлович! Я разберусь с заместителем командира роты!

Уходя, Гломов бросил:

– Если это возможно по определению!

Проводив начальника штаба, комбат перевел взгляд на Тимохина:

– Что означает ваше поведение, товарищ старший лейтенант?

– А в чем, собственно, проблема, Марат Рустамович?

– Он еще спрашивает! А это что?

Комбат бросил на стол совещаний книгу нарядов:

– Не ты ли Гломова на сегодня в дежурные определил? Что за детские выходки, Саша? Ты же опытный, заслуженный, боевой офицер, а занимаешься... черт-те чем, мальчишеством каким-то!

– Ну, о том, что я боевой офицер, знаете в гарнизоне только вы один, а запись в книге – так это форма протеста против несправедливости, нарушения устава внутренней службы и дополняющих его инструкций.

– Вот как? Форма протеста! Чего ж тогда вообще не порвал журнал к чертовой матери?

– А зачем? Сделал так, как посчитал нужным. Вам известно, что мы с Гломовым одно училище заканчивали, более того, учились в одной роте. И я его знаю, как облупленного. Каким он стукачом и чмо был, таким и остался. Неужели вы не видите, что собой представляет ваш заместитель? Надменная, самовлюбленная, эгоистичная личность?! Особь, так вернее будет. Начальству готов открыто задницу лизать, лишь бы оценило. Подчиненных презирает, солдат вообще за людей не считает.

Галаев поднял руку:

– Ну, ты свои отношения с ним на всех не распространяй!

– Вам пример нужен? Пожалуйста! В прошлую среду хозяйственный взвод возвращался из столовой после обеда. На плацу встретился с Гломовым. Сержант, как положено, подал команду «Смирно! Равнение налево!» И пошел взвод строевым шагом, отдавая честь начальнику штаба. Нормально шел, сам видел, но Гломов, видно, не в настроении был. Не понравилось капитану, как его солдаты приветствуют. Остановил взвод. Ну ладно, сделал бы замечание, назначил дополнительное строевое занятие, так нет, Гломов заставил хозвзвод в тридцатиградусную жару, на солнце, сам, кстати, находясь в тени, маршировать по плацу. Туда-сюда! И материл на чем свет стоит солдат, так и не научившихся, по его мнению, отдавать строем честь начальнику. Это как оценить?

Командир батальона спросил:

– И ты, конечно, не преминул вмешаться, да?

– Естественно! Потому что солдат не раб. Он такой же человек, как и все в части, независимо от должности и званий. И относиться к солдату надо как к человеку, а не как к бестолковой скотине. Попробовал бы Гломов в училище так с курсантами поступить. Там в момент такому командиру жало свернули бы. А здесь можно творить, что хочешь? Не должно быть так!

Комбат что-то записал в настольном календаре и сказал:

– С этим случаем я разберусь. Ты мне насчет протеста против назначения в наряд ситуацию разъясни. А то получается, что мы, составляя график дежурств, скоро вынуждены будем чуть ли не спрашивать каждого, а сможет ли он тогда-то заступить в наряд или предпочтет другое время? Так, что ли?

– Не надо утрировать, Марат Рустамович. Если начальник штаба со своим помощником не в состоянии обеспечить составление графика нарядов, который исполнялся бы без сбоев, то грош им цена обоим. Конечно, во время службы всякое может произойти. Заболел кто-то, естественно, требуется замена. Но кто против этого? Никто. А что с сегодняшним случаем? Почему я так отреагировал на решение Гломова?

Подполковник проговорил:

– Вот это как раз я и хочу понять!

– Объясняю! По графику сегодня, в субботу 9 июня, дежурным по части должен был заступить старший лейтенант Булыгин. И первоначально его фамилию занесли в книгу. Но потом Гломов освободил Булыгина и поставил вместо него меня. Спрашивается, почему? Что, замполит роты по ремонту бронетехники внезапно заболел? Или у него что-то в семье произошло? Если так, то никаких вопросов. Но, оказывается, Гломов освободил Булыгина потому, что тому в понедельник, заметьте, не завтра, в воскресенье, а в понедельник предстоит ехать на партактив дивизии. А до понедельника к этому активу подготовиться надо. Как же, ведь

Игорек Булыгин, которого еще полгода назад, если не забыли, на полигоне дембеля пьяные по танковой директрисе, как пацана, гоняли, стал у нас партийным «бугром», целым секретарем партбюро батальона. Упал на майорскую должность с подачи замполита части майора Василенко, который, в свою очередь в парткомиссию дивизии целые тома о состоянии дел в батальоне каждую неделю сбрасывает. И все до мелочи расписывает. Кто, что, где, сколько и с кем выпил, кто, когда, с кем и чуть ли не как переспал. Или скажете, вам это неизвестно? Известно. Потому и трясут батальон разные комиссии, что политруки наши стремятся резво по карьерной лестнице как можно выше взлететь. Они в почете, командный состав в дерьме! Нормально?

Командир батальона прервал возмущенный монолог заместителя командира роты:

– Так! Ты оставь свое мнение о политорганах при себе. Мы сейчас разбираемся с твоими выкрутасами. Тем более обсуждать действия вышестоящего начальства тебе не положено.

– Мне другое положено! Молчать в тряпочку! Только не будет этого. Но вернемся к наряду. С какой такой радости я должен заступить в наряд вместо здравствующего и цветущего Булыгина? Да плевать я хотел на его активы и пассивы. Ровно как и на необоснованные решения Гломова. И мне по барабану, как на это будет реагировать начальник штаба!

Комбат спросил:

– Мои решения и приказы тебе тоже по барабану?

– Ваши нет!

– Тогда я приказываю тебе сегодня заступить в наряд дежурным по батальону!

– За-ме-ча-тельно! И чего тогда столько времени на пустую болтовню тратили? Вздрючили бы меня за книгу нарядов перед начальником штаба, а еще лучше и в присутствии замполита с секретарем партбюро, объявили выговор и отдали бы свой приказ.

– Ну, это мне решать, что делать. Приказ ясен?

– Так точно! Есть заступить в наряд! Разрешите идти?

– погоди! Это еще не все!

– А! Выговор еще не объявили?

– Прекрати, Тимохин! И успокойся. Водички вон лучше выпей. Из холодильника. Остынь!

– Спасибо, обойдусь! Остыл уже!

– Тогда перейдем к другой теме. В четверг, 14 числа тебе предстоит убыть в очередную командировку!

– Вот как? Что ж, командировка, значит, командировка, все не здесь хреном груши окочалчивать!

Подполковник присел на место, где ранее восседал начальник штаба, внимательно посмотрел на старшего лейтенанта:

– Я в курсе, куда и зачем ты отправишься. И хотел бы узнать, если, конечно, ты вправе ответить: тяжело там, «за речкой» приходится?

Старший лейтенант пожал плечами:

– По-разному. Все зависит от того, какую определяют задачу! Иногда выход проходит легко, без проблем, иногда... иногда бывает хреново. Но пока еще... – Тимохин постучал костяшками пальцев по столу, – обходилось без потерь. Что будет дальше, никто не знает. Как и то, какую задачу предстоит решать на этот раз!

– Да! И никто, кроме меня, не имеет ни малейшего понятия, что ты, официально числясь в штате батальона, фактически уже второй год воюешь в Афганистане.

Тимохин спокойно ответил:

– Ну, во-первых, воюю – громко сказано. Все же командировки – это не постоянное нахождение «за речкой». Во-вторых, зачем кому-то об этом знать?

– Просто несправедливо получается.

– Да ладно, ерунда это все! Я же добровольно согласился войти в спецгруппу. Никто не принуждал. И не жалею об этом. В Афгане, на выходе, особенно, когда находишься в режиме вынужденного ожидания активных действий, многое переосмысливаешь. Отсюда, наверное, и такое агрессивное неприятие бесполезной, показушной деятельности некоторых армейских чинов, представляющих эту деятельность как нечто значимое, без чего армия существовать не может! «За речкой», Марат Рустамович, все по-другому. Все! По крайней мере в нашей группе. Возможно, из-за того, что нас посылают на конкретные задания с конкретно определенной целью. Простых прогулок по горам и ущельям не бывает!

Подполковник выложил на стол пачку сигарет и зажигалку:

– Кури если хочешь!

Старший лейтенант закурил. К нему присоединился и комбат, выставив из шкафа пепельницу.

После непродолжительной паузы он протянул:

– Да-да! И сколько еще таких, как ты, наши генералы будут использовать втемную? В секретном режиме?

– Это вопрос к ним, к генералам. Но думаю, что еще долго. Впрочем, это не наше дело.

– Ты прав! Значит, в четверг ты убываешь в командировку, а в понедельник по приказу генерала Максимова я должен отправить в штаб соединения представление о назначении тебя на должность старшего инженера технической части с присвоением очередного воинского звания.

Старший лейтенант удивленно взглянул на комбата:

– Ну и разговор у нас получается. Начали за упокой, заканчиваем во здравие. Это что же, я теперь инженерить буду?

– Ты имеешь что-нибудь против?

– А как же насчет новой должности и звания по линии политорганов? У меня, если не ошибаюсь, два простых выговора и один с занесением в учетную карточку?! Замполит точно взбукнет! Ему и Булыгин подпоет! В момент к начальнику политотдела бумага улетит!

– Тебя это волнует?

– Да нет! Радует! Представляю их рожи, когда они узнают о моем повышении. А Гломов, так он вообще как бы от злости с катушек не слетел! Хм, что ни говори, а сюрприз вы мне отменный преподнесли.

– Надеюсь, после этого ты перестанешь открыто бузить?

Старший лейтенант погладил подбородок:

– Если честно, то вряд ли. При условии, что Гломов не изменится. А он не изменится. Да и я другим не стану, если, конечно, вернусь из командировки. Не приучен я играть, Марат Рустамович. Какой есть, такой есть, таким и буду, пока жив! Меня уже не переделать!

Подполковник поднялся:

– Жениться тебе надо, Саня! Семей нормальной обзаводиться. Тогда угомонишься. По себе знаю! Таким же борзым в молодости холостяцкой был. Офицером на «губе» больше просидел, чем курсантом в училище. А женился – новая жизнь началась. Слышал, у тебя близкие отношения с сержантом из медсанбата, Ириной Люблиной? Нормальная деваха. Одобряю. Так что вперед!

Тимохин вздохнул:

– И все у нас в гарнизоне про всех знают! Не городок, а общежитие с подселением. Только женат я еще, товарищ подполковник. Или забыли?

– Ах, черт! Точно! Тебе ж квартира поэтому выделена! Совсем закружился тут с вами. Но ты ж, по-моему, разводиться собирался? Или передумал?

– Собирался и собираюсь. Второй год! Но это не важно. Развод оформить не проблема, вопрос – смогу ли жить с Ириной?! И вот на него у меня, Марат Рустамович, окончательного ответа нет.

– Постой! Ты ж с ней вроде давно встречаешься.

– И что? Встречался я не только с ней. Это в последнее время у меня кроме нее никого нет. А вдруг появится?

– Кто?

– Та, ради которой я буду готов жизнь отдать. Тогда что? В общем, прошу, не задевайте мою личную жизнь. И не пытайтесь в ней разобраться. Я сам не могу в себе разобраться, куда уж другим?

– Сложный ты человек, Саша, не по годам сложный! Тебе двадцать пять?

– Да!

– Вот! Всего двадцать пять. А пережитое на все сорок потянет!

– Ну и черт с ним! На этот раз разрешите идти?

– На этот раз иди! И пока о ближайших изменениях в службе не распространяйся. О командировке тоже!

– Учту!

Тимохин, наконец, покинул кабинет командира части. Но не штаб, где в дежурке его ждал Шестаков. Лейтенант спросил:

– Ну как, Саня? Видно, по-серьезному тебя дрючил комбат, долго заседали. Чем все закончилось?

– Ничем. Готовься к смене и развод строй вовремя. Подготовленный, чтобы вовремя смениться.

– Так ты заступаешь в наряд?

– Заступаю!

Шестаков вздохнул:

– Разочаровал ты меня! Думал, до конца пойдешь!

– Думал и передумал.

– Вот теперь урод Гломов доволен будет. Самого Тимохина обломал.

– Запомни, Вадик, кишка тонка у начальника штаба обломать старшего лейтенанта Тимохина. Это же и другим передай, кто рот откроет.

– Да кому у нас рот-то против начальства открывать? Кроме нас с тобой.

– Тем лучше. А в наряд я заступаю исключительно потому, что такое решение принял комбат, которого я уважаю. Не начальник штаба, а комбат, запомнил?

– Да мне-то чего запоминать? Я-то тебя понимаю.

Тимохин достал сигареты. Протянул пачку дежурному по части. Шестаков кивнул на выход:

– Пойдем в курилку, а то выйдет Галаев, шуму не оберешься.

Офицеры прошли в место для курения.

Затянувшись, Тимохин спросил:

– Катерина слиняла?

Шестаков кивнул:

– Давно! Как ты к комбату направился. Кстати, вместе с Гломовым в городок отправилась.

– Ну и что?

– Да нет, ничего! А чего ты ее кинул? Ведь открыто клеится баба?! Только отношениями с Ириной мозги мне не забивай. Знаю я про вашу любовь.

Старший лейтенант усмехнулся:

– Что ты о нас с Люблиной знать можешь, Вадик? Если я ни хрена не разберусь в наших отношениях? Да и не хочу разбираться. По мне, шло бы все как идет!

- Вот только Ирку это вряд ли устроит. Она-то наверняка желает большего.
- В этом и проблема. Сам-то так и не смог подбить клинья к машинистке?
- Не знаю! Попробую сегодня на дискотеке охмурить ее, а там как получится.
- Если не нажрешься до танцев.

Шестаков тяжело вздохнул:

- Если не нажрюсь.

Лейтенант слыл в гарнизоне отчаянным гулякой, преданным почитателем Бахуса и влюбчивой натурой, за что многие называли его гусаром. Женщины принимали его, но те, кто сами не прочь были погулять. Начальство же просто махнуло на Вадима рукой. Воспитывай не воспитывай – толку никакого. Попробовали уволить, оформили все чин чином через суд чести младших офицеров, но документы завернули в штабе округа, объявив лейтенанту предупреждение о неполном служебном соответствии, что вызвало смех среди офицеров батальона, потому как это предупреждение было у Шестакова третьим по счету. Ходили слухи, что замполит с начальником штаба готовят очередной суд чести, но это совершенно не волновало лейтенанта. Хотя в принципе Шестаков был неплохим парнем. Да, гуляка, любитель выпить и приласкаться к женщине, но не подлец. Человек, на которого в серьезном деле или опасной ситуации всегда можно было положиться. К тому же взвод держал. И не на страхе, а на уважении подчиненных. Он не панибратствовал с солдатами, нередко был резок. Но всегда справедлив. А это качество больше всего ценили солдаты в своих командирах. Поэтому, несмотря на то что в батальоне да и во всем гарнизоне считался раздолбаем, взвод его из года в год все проверки сдавал только на «отлично». И у него в подразделении не то чтобы «дедовщины», а даже намек на неуставные взаимоотношения не было. Умел лейтенант работать с людьми. И если бы не своевольный, бунтарский характер, то сделал бы вполне приличную карьеру. Но Вадим, безупречно командуя взводом, совершенно безразлично относился к карьере. Он единственный в гарнизоне мог умудриться в один день получить именные часы из рук главкома сухопутных войск за отлично выполненную учебную задачу и пять суток ареста от комдива за употребление спиртных напитков в служебное время. Станным был Шестаков. Такие в Афгане героями становились или подрывали себя гранатами, предпочитая смерть позорному плену. Но то в Афгане. Куда Шестакова не пускали, невзирая на десятки написанных им рапортов о переводе «за речку». Политорганы считали, что недостойн лейтенант высокого звания воина-интернационалиста. Идиотизм полнейший, но так было. Впрочем, Шестаков в отместку тоже немало потрепал нервов и замполиту, и новоявленному секретарю партбюро. Последнему вообще на полигоне морду набил, когда тот еще не пробился на партийную должность. Булыгин настроил жалобу, да толку? Свидетелей мордобоя не оказалось, хотя не менее десятка солдат видели, как Шестаков отоварил своего начальника. Но ни один из бойцов при служебном расследовании не подтвердил этого очевидного факта. Пришлось прикрывать дело. Лейтенант же доказал всем, что значит уважение солдатами своего командира.

Шестаков повторил:

– Ты прав, Саня, если не нажрюсь. Ведь в общагу придешь, а там Гоша, начальник столовой пехотного полка. У Гоши наверняка литруха припасена, тем более на сегодня, когда вечер отдыха назначен. Как не выпить? А я понемногу не могу. Врежешь лобастый – мало, заглотишь второй – мало, а после третьего врубаешься – много. И ничего с собой поделать не могу!

Старший лейтенант предложил:

- А ты после наряда не ходи в общагу.

Лейтенант удивился:

– Куда ж мне идти? Прямоком к Катке Назаровой? Не пустит, даже с розами. В казарму? К родному личному составу? Ты хоть понимаешь, что предложил?

– Понимаю! Сменимся, пойдешь ко мне на хату, ключ я тебе передам. Там душ примешь, вода в бочке должна остаться, перекусишь. Мы с тобой одной комплекции, так что гражданку

подберешь. Она вся в старом шкафу. А потом двинешь на дискотеку. Шампанским затаришься в автолавке. Мурат-Кули сегодня обязательно припрется на своем тарантасе. И... вперед, завоевывать благосклонность Екатерины! Не получится, зацепишь поселковую из микрорайона. Но чтобы в шесть утра хата была пуста. И ночью без воплей и грохота музыки. Как тебе такое предложение?

Физиономия Шестакова расплылась в довольной улыбке:

– Саня! Ты, в натуре, мужик! Не то что эти Гломовы, Булыги! Как сказал, так и сделаю! А Катька? Куда она от меня на хрен денется? После шампанского? Ух, чую, оторвусь сегодня! Спасибо, Сань!

– Не за что. Пользуйся, пока я добрый! Ладно, мне еще к ротному зайти надо. Обещал. В 18-00 буду на плацу. Ствол получу позже, как в штаб вернемся. Давай, до встречи!

– Давай, Сань! И помни, я всегда с тобой, что бы ни произошло!

– Помню!

Выбросив окурок, Тимохин направился на первую улицу городка, выходящую к магазину, клубу и трем пятиэтажным домам офицерского состава, в одном из которых проживал его ротный, капитан Смагин, с женой Мариной. Детей у них не было, что не мешало Смагиным жить душа в душу.

Глава вторая

Дверь Тимохину открыла супруга Смагина, Марина:

– А, Саша? Здравствуй, проходи! А мой в ванной плещется. Не знаю, что у нас произошло в городке, но ни с того ни с сего воду сильного напора дали. Вот Сергей сразу и нырнул в ванную. Уже, наверное, с полчаса плещется. Я ему ведро подогрела, он и не вылезает. Да ты проходи, проходи! Знаешь же, что для нас ты гость самый желанный!

Тимохин прошел в комнату, единственную в квартире, гостиную и спальню одновременно, где у окна на столе Марина выставила столовый прибор на три персоны, две рюмки, один фужер.

Смагина указала на диван:

– Хочешь, здесь посиди, хочешь, покури на балконе. Сейчас своего из воды вытащу, обедать будем, у меня давно все готово и подогревать не надо.

Тимохин прошел на балкон.

Закурил, сбрасывая пепел в пепельницу из распиленного панциря огромной черепахи, стоящей на небольшой тумбочке. Внизу офицерский клуб, за ним магазин, далее забор. За забором боксы техники длительного хранения и весь как на ладони парк боевых машин ремонтно-восстановительного батальона. Правее площадка списанной или ожидающей ремонта автомобильной техники дивизии. За ней пустырь, перерезанный арыком, мостик и грунтовка до трехэтажных домов микрорайона, где в большинстве своем жили служащие исправительно-трудовой колонии и их семьи. Как-то Тимохин имел «удовольствие» посетить сие исправительное заведение. И впервые в жизни увидел заключенных в полосатых робах. Точно в таких же показывали по телевизору и в кино узников фашистских лагерей. Особенно старшего лейтенанта поразили глаза одного из заключенных, чей срок, а сидели в тюрьме лет по пятнадцать, видимо, подходил к окончанию, так как зек работал в здании Управления ИТК. Глаза острые, настороженные, безжалостные. Глаза человека, способного на преступление. Впрочем, все заключенные находились на этой зоне за совершение тяжких преступлений. Но эти глаза Тимохин почему-то запомнил. Не потому ли, что они больше подходили хищному дикому зверю, нежели человеку? Тимохин тогда пригнал в колонию мастерскую со сварочным аппаратом. Администрации надо было срочно что-то заварить, а свои агрегаты, как назло, вышли из строя. А может, их заключенные вывели из строя. Дальше административного корпуса старшего лейтенанта не пустили, и он через зарешеченное окно кабинета одного из заместителей начальника ИТК смотрел на территорию, где ходили люди в полосатой робе. Того, запомнившегося, заключенного он увидел позже, когда необходимые работы были завершены и мастерскую вывели за «колючку». Майор-туркмен, руководивший работами, на прощание подарил Тимохину выкидывающийся нож с резной рукояткой. Сейчас этот нож пылится где-то на полке платяного шкафа. На зоне в качестве военнослужащих внутренних войск и гражданского персонала работало довольно много женщин. И в гарнизоне хватало офицеров, которые посещали микрорайон. Один раз туда наведася Шестаков. Кто-то познакомил его с разведанной служащей. Но Вадик, по обыкновению, все испортил. Вместо продолжения знакомства устроил скандал. А с чего? Так этого поутру он и сам не помнил. Правда, женщина-знакомая потом приезжала в гарнизон. Видно, понравился ей даже в гнев разбитной, молодой, красивый офицер. Но вот незадача. Вадик не узнал своей знакомой! Женщина, естественно, обиделась, и их отношения прервались.

На балкон вышел Смагин:

– Любуешься на парк родной части?

– Ага! Давно не был там!

– Ясно! Ну, рассказывай, что было в штабе!

Тимохин передал командиру разговор с комбатом, сознательно опустив моменты, связанные с его секретной деятельностью и ближайшими перспективами, раскрытыми подполковником. Первое Смагин не должен был знать, а второе узнает сам чуть позже. Вряд ли обрадуется переводу заместителя. Но поймет. Не отказываться же Александру от очередного воинского звания? Но тоже будет в непонятке, как и политуки.

Мужчин позвала супруга Смагина:

– Ребята! Стол накрыт, прошу в комнату!

Для начала они выпили по рюмке водки, Марина – полфужера шампанского. Затем принялись за вкусный борщ. Надо признать, Марина готовила его отменно, по своему особому рецепту. Выпили по второй, закусив котлетами. Сытый и слегка хмельной Тимохин откинулся на спинку дивана:

– Хорошо у вас! Уютно! Не то что в моей берлоге. Сдать ее, что ли, к чертовой матери да перебраться в общежитие? Все веселее будет. А то сидишь дома один, как бирюк, и водку пьешь. А что еще делать? Особенно зимой. Холодно, а печку топить не в кайф. Это надо щепы нарубить, угля притащить, раскопегарить буржуйку. Пока хата нагреется, проклянешь все! Проще закутаться в шинель, да на койку, а под бок «козел».

Марина сказала:

– Тебе хозяйка в доме нужна, Саша!

Старший лейтенант усмехнулся:

– Кто бы спорил. Только где ее взять, эту хозяйку? Чтобы не только за домом смотрела, но и душу своим присутствием грела. Чтобы было все, как у вас.

Супруга Смагина пересела на диван к Тимохину:

– Ты с законной женой совсем разбежался? Или еще надеешься восстановить отношения?

– Совсем разбежался. В отпуске развод оформлю! Но разве это что-то изменит? Я здесь два года без нее живу. Она сама по себе, я сам по себе. А запись в удостоверении личности всего лишь формальность. А почему ты спросила меня о жене? Ведь знаешь все.

– Да потому, Саша, что не могу понять, как ты, молодой, красивый, здоровый мужик, не можешь жизнь свою личную устроить. Ладно бы с женщинами свободными в городке проблемы были. Так ведь нет никаких проблем. И Ирина Люблина тебя любит. А она женщина хорошая, не гулящая. Судьбы у вас похожи. У нее тоже не сложилась семейная жизнь. Тянется она к тебе, а ты то приласкаешь, то оттолкнешь равнодушием. Чем она тебе не подходит?

Смагин повысил голос:

– Марина! Не лезь не в свое дело! Саня сам решит, кто ему подходит, кто нет, кого ласкать, а кого гнать!

– Да нет, дорогой, если мы все будем рассуждать, как ты, то быстро образ человеческий потеряем. Вот тогда чужие беды нам станут безразличны. Моя хата с краю, ничего не знаю! И не влезай, пожалуйста, в наш с Сашей разговор!

Тимохин предпочел бы закрыть эту тему, но оборвать Марину не мог. Он ценил в супруге командира такие ставшие редкостью качества, как необъятная доброта ко всем, сердечность, милосердие, участие. Ценил то, что не встречал у тех женщин, с которыми спал и даже пытался что-то наладить, в смысле нормальной семейной жизни. Марина была начальницей Люблиной, и понятно, почему она проявляет повышенный интерес к их с Ириной противоречивым отношениям. Хотя причина противоречий и отсутствия гармонии во время нечастых моментов их близости объяснялась просто. Не чувствовал Александр к Ирине ничего, кроме симпатии и вполне естественной потребности обладания женщиной. Возможно, для кого-то другого и этого достаточно, чтобы создать семью и жить спокойно в иллюзии благополучия и обустроенности. Имея на стороне любовницу для разнообразия. Для кого-то другого, но не для Александра, который жаждал не иллюзорного, а обычного человеческого счастья.

Марина повторила вопрос:

– Чем тебе Ирина не подходит? Почему ты не подпускаешь ее к своему сердцу? Что тебе мешает?

– Ну как ты не поймешь, Марина, не люблю я ее! Не люблю!

– Так! Как в постель укладывать, так сразу слова о любви и ласка, и нежность находятся, а как потребность удовлетворена, так все забывается. До следующей встречи. Женщина же мучается. Нам, бабам, нужна определенность. Вот и Ирина мучается. Хотя, конечно, откуда тебе знать об этом? Ведь утром ты провожаешь ее, а потом не видишь, пока кровь вновь кое-где не взывает.

Тимохин сказал:

– Я никого и никогда насильно к близости не принуждал. Ирину в том числе. И обещаний не давал.

– Но и совсем не отталкивал.

– А зачем? Ей время от времени нужен мужик, мне женщина. Все естественно и без обмана. А вообще, давай прекратим разговор на эту тему. Как-нибудь сами с ней разберемся.

– Разбейтесь! Только попрошу, голову ей не кружи. Хотя закружил уже!

– Ничего, все устаканится. Не дети!

Поблагодарив хозяйку, Тимохин встал из-за стола:

– Пойду я! Готовиться в наряд.

Поднялся и Смагин:

– Я провожу.

Офицеры вышли на улицу. Было жарко.

Ротный взглянул на заместителя:

– Ты на Марину не обижайся. Она всегда и всем хочет только хорошего. Чтобы все были счастливы. Короче, идеалистка.

– Просто хорошая, добрая женщина. Побольше бы таких, глядишь, и жизнь светлее стала бы. Тебе повезло, Серега! Береги свое счастье!

Капитан согласился:

– Повезло, да не совсем! Все у нас с Маришей хорошо, а вот детей иметь не можем!

– Может, и к лучшему!

– Нет! Дети – это... это будущее, продолжение рода.

– Особенно если это продолжение оболтусом вырастет и так задолбит родичей, что жизнь в ад превратит.

– Ты просто не любишь детей!

– Не знаю! Не думал об этом. Ну, ладно. Пошел я! Завтра в часть придешь?

– Приду. На рынок с Мариной съездим, и приду.

Старший лейтенант предложил:

– Возьми мою машину, чего на маршрутке трястись да на остановках торчать в толпе? Ключи дать?

– Не надо! Мы с соседом танкистом договорились. На его «Москвиче» в Кара-Тепе слетаем.

– Как знаешь! Давай, командир!

– Давай, Сань! Спокойного дежурства.

– А каким оно еще может быть? Сплошное однообразие. Ну, может, кого с водкой поймаю. Хотя... специально, как Булыгин, шакалить не в моих правилах. Пошел!

Тимохин обошел дом Смагина. Зашел в магазин, который работал в субботу. Купил блок сигарет, спички. Перемигнулся с молоденькой продавщицей, что недавно объявилась в городке в качестве вольнонаемной, направился по аллее к своему дому. Проверил наличие воды в бачке. Принял душ. Перекурив на скамейке возле куста акации, прошел в спальню, включил

кондиционер и завалился на кровать. Спустя несколько минут он уже спал спокойным, но чутким сном, запрограммировав его до 17-00.

В 18-00 старший лейтенант Тимохин вышел на плац батальона, где выстроился личный состав внутреннего наряда части. Принял доклад дежурного по парку, прапорщика Чепцова. Развод провел быстро, как всегда. Отдал приказ на заступление в наряд. Бойцы прошли по плацу строевым шагом и разошлись по подразделениям и объектам несения службы. Тимохин подозвал к себе Чепцова, спросил:

– Ты в порядке?

Начальник склада вещевого имущества и по совместительству временно исполняющий обязанности начальника столовой, частенько заступавший в наряд не совсем трезвым, ответил:

– А чего мне будет?

– Водку сегодня не пьянствовал?

– Нет! Хотел пивка съездить в поселок попить, да моя запрягла забор править. А ты ее знаешь, привяжется, не отлепишь. Бестолковая до невозможности. Но, Сань, может, после отбоя сообразим ужин? Повара картошечки пожарят, за пузырьком в автолавку во время дискотеки сам смотаюсь, а?

– И зависнешь на этой дискотеке, да?

– О чем ты? На хрену я видал эти танцульки. А на блядей гарнизонных наших вообще смотреть не могу. Подпойт мужей, да виляют задницами перед летехами молодыми.

Старший лейтенант спросил:

– Твоя жена тоже блядь?

– А при чем тут она?

– Ну, если, по-твоему, все бабы в городке бляди, то, значит, и твоя не лучше?

– Моя по дискотекам не шляется. А шлюх в гарнизоне хватает. Я за десять лет службы в этом забытом богом Кара-Тепе такое видел, что тебе и не приснится. Тут бабенки были еще те. Куролесили так, что проститутки в городах охренели бы, увидев творившееся в нашем славном гарнизоне. Да и сейчас таких немало. Сам знаешь! Только сейчас потише стало. Все больше втихаря, по ночам случки устраивают. Ты часа в четыре выйди в городок да понаблюдай со стороны. Увидишь, кто от кого будет сваливать.

– На себе проверил?

– Да уж видел. Нет, конечно, не все сучки, но хватает. Ну и хрен с ними. Так как насчет ужина?

– Не знаю! Видно будет!

– Понял! Но все приготовлю.

Тимохин посоветовал Чепцову:

– Ты, Вова, лучше о службе бы думал.

– Да куда она денется? Первый раз, что ли?

– Ладно, иди. Принимай наряд, проверь все пломбы и печати, и чтобы бойцы на месте были.

– Само собой! На доклад о приеме в штаб идти?

– По телефону позвонишь. И особое внимание дежурной машине. Без меня не выпускать, даже если начальство затребует. После танцев гульба, как правило, не прекращается, и пошла не хватает. А его только в поселке взять ночью можно. Наверняка появится желание прокатиться до «Трех звонков». Повторяю, без моего личного разрешения дежурную машину не выпускать. Понял?

– Какой разговор?

– Ну давай! Неси службу бодро, ничем не отвлекаясь и не выпуская из рук оружия. Я в дежурку.

Старший лейтенант направился к штабу.

Шестаков ждал его на крыльце.

Тимохин спросил:

– Ты чего тут торчишь? Журнал заполнил?

– Давно! Вот только Гломов в штабе! Минут десять назад пришел, сейчас у себя в кабинете сидит. И чего приперся?

Тимохин усмехнулся:

– А ты не понял, ради чего он явился в Управление именно сегодня и именно в это время?

– Из-за доклада?

– Конечно! Раз кто-то из командования части находится в штабе на момент смены наряда, то дежурные обязаны явиться на доклад к начальнику.

– Точно! Лом пришел, чтобы нам мозги покрутить. На недостатки указать, дополнительный инструктаж устроить! Показать, кто в доме хозяин, особенно после того, как ваш дневной конфликт комбат решил в его пользу. Есть же такие натуры! Сидел бы дома, как все нормальные офицеры. Нет, заявился. И ради чего? Ради того, чтобы лишний раз зацепить тебя. Мстительный Гломов, сука! Ставят же таких на командные должности!

– В большинстве, Вадик, таких и двигают по службе. Но ладно, не выгонять же его?

– Так теперь все придется по уставу делать! А это часа полтора потерять!

Тимохин ударил товарища по плечу:

– А кто сказал, Вадик, что мы пойдем на доклад к Гломову? Лично у меня нет никакого желания лишний раз видеть его противную рожу!

– Так воплей потом будет?!

– Будет, ну и что? Хотя смотри сам. Ты можешь доложить ему, я же к Гломову не пойду. И решай: либо расписываемся в журнале и ты сваливаешь на мою хату, а потом на танцы, или проводим смену как положено. Это у тебя наряд кончился, у меня же целые сутки впереди, спешить некуда.

Лейтенант махнул рукой:

– А пошло оно все на хрен. Расписываемся, сдаю ствол и валю отсюда. А в понедельник будь что будет. Хотя что будет? Десять минут позора от силы – и все!

Тимохин и Шестаков, не дождавшись докладов дежурных по ротам, парка, столовой и котельной, расписались в журнале приема-сдачи дежурства по части. Что являлось нарушением установленных правил, но что давно практиковалось в выходные дни всеми офицерами батальона, докладывавшими о смене по телефону непосредственно комбату. Лейтенант, разрядив магазины, поставил пистолет в ячейку сейфа, передал нарукавную повязку Тимохину:

– Ну что, все?

– Да вроде бы! Держи ключи и веди себя не слишком буйно. За собой чтобы все убрал. Ключи принесешь сюда. Я не намерен завтра вечером искать тебя по всему городку.

– Не волнуйся, Саня! Все будет чики-чики!

Он выглянул в коридор, обернулся к Тимохину:

– Погнал я, пока Лом еще у себя!

– Ты под окнами не рисуйся, пройди через пехотный полк. А с начштаба я тут разберусь.

– Угу! Давай! Счастливо отдежурить.

– Спасибо!

Лейтенант вышел в коридор, оттуда, минуя так называемый предбанник, на улицу и скрылся за казармой 1-го батальона мотострелкового полка.

Тимохин проверил работу пульта, системы секретной связи, телефона. Достал из ящика пепельницу в виде обычной жестяной банки из-под консервов, в нарушение инструкции закурил в помещении дежурного по части.

Прошли доклады из рот, парка и столовой. Сменившийся дежурный по котельной, чей наряд отвечал за сохранение запасов угля, явился в штаб лично, так как телефонной связи с

котельной не было. Чепец напомнил, что к полуночи заказал ужин. Потушив окурок, Тимохин взял с тумбочки свежий номер газеты «Красная Звезда». И тут в дежурку вошел капитан Гломов.

Тимохин обернулся, посмотрел на бывшего однокурсника и... как ни в чем не бывало вернулся к чтению передовицы газеты.

Начальник штаба рявкнул:

– Встать!

Александр медленно поднялся, поправил на ремне портупеи кобуру с пистолетом, спросил:

– Ты чего орешь, капитан? Здесь глухих нет!

Гломов побагровел:

– В чем дело, товарищ старший лейтенант?

– Это у тебя надо спросить!

– Что?!! Не смей мне тыкать!

– А ты не заслужил, чтобы к тебе обращались на «вы»! Что еще?

– Где Шестаков?

– Сдал наряд и ушел. Отдыхать.

– Кто разрешил смену?

– А кто ее запрещал?

Тимохин старался говорить спокойно, но чувствовал, что надолго спокойствия не хватит.

Гломов же вновь вскричал:

– Вы оба обязаны были доложить о смене мне! Почему не сделали это? Хрен на начальника штаба положили? Так я вам положу! Я вам устрою жизнь веселую!

– Слушай, Лом, а не шел бы ты на ...?

– Что?!! Ты... ты... в своем уме? Ты... трезв?

– Я в своем уме и трезв, а вот ты, по-моему, явно не в себе. Так что лучше иди, куда послали, не мешай нести службу!

– Да я тебя!

Тимохин подошел к начальнику штаба, схватил его за рубашку:

– Что ты меня? Ну? Договаривай!

Гломов попытался вырваться, но не смог, только рубашка затрещала по швам. Тимохин процедил:

– Не дергайся, Лом, себе хуже сделаешь. И послушай, что я тебе скажу. Или ты дальше будешь вести себя как нормальный офицер, уважающий подчиненных начальник и прекратишь доставать меня, или я просто набью тебе морду. Как то было в училище, не забыл еще?

Цвет физиономии Гломова менялся, как у хамелеона, сейчас он был бледен как смерть:

– Ты понимаешь, что делаешь, Тимохин? Захотел под трибунал?

Старший лейтенант оттолкнул от себя начальника штаба, так что тот сел на топчан, предназначенный для дневного отдыха дежурного офицера:

– Я-то все понимаю, Лом, плохо, что ты не хочешь ничего понимать. Но я предупредил тебя. А ты знаешь, слово я всегда держу. Не нарывайся! Никакой трибунал не удержит меня от того, чтобы свернуть тебе жало. За таких подонков, как ты, не сажают! К тому же я сильно сомневаюсь в том, что, кроме замполита и его поджопника Булыгина, кто-то еще из офицеров встанет на твою защиту. А сейчас проваливай! И подумай хорошенько, как вести себя дальше, начальник.

Тимохин сел на стул и вновь взял в руки газету.

Гломов поднялся, поправил рубашку, погоны:

– Ну, Тимохин, ой как ты пожалеешь о своей сегодняшней выходке. Я так просто это дело не оставляю. Тебе придется ответить. И ты ответишь, не будь я капитан Гломов!

Старший лейтенант, не поворачиваясь, спросил:

– Ты еще здесь? Помочь выйти?

– Негодяй!

Капитан выскочил в коридор. Тут же из предбанника донеслось:

– Ну, что встали, как истуканы? Подтянуть ремни! Распустились тут! По два наряда вне очереди каждому!

Гломов разносил солдат, посыльных по штабу. Те попытались спросить, за что их наказывают, но начальник штаба только взвизгнул:

– Молчать, недоноски, пока я вас...

И, не договорив, хлопнув дверь, Гломов выскочил на улицу, чуть ли не бегом направился в сторону военного городка. Проводив взглядом через окно начальника штаба, Тимохин вышел в предбанник. Помощник и посыльные стояли в растерянности. Сержант спросил:

– А чего это капитан взбесился, товарищ старший лейтенант? Рядовым наряды вне очереди объявил. За что? Ремни у них затянуты, честь начальнику штаба отдали, как положено. За что он наорал-то на бойцов?

Тимохин сказал:

– Не обращайтесь внимания. Такое с нашим начальником штаба бывает! Не будем обсуждать его действия, это не положено. Забыли об инциденте, и все!

Один из рядовых проговорил:

– Легко сказать, забыли. А за что на тумбочке два наряда теперь стоять придется?

– Сказал, забыли, значит, забыли. И стоять нигде не будете. Сгоряча капитан объявил взыскание. А чего не сделаешь сгоряча? Но если надо будет, то мы с ротным к командиру батальона обратимся. Он снимет наложенные на вас необоснованные взыскания. Так что выше носы, бойцы! Все нормально!

Солдаты повеселели. Они знали, что их положение в большей степени зависит от взводного и ротного, нежели от вышестоящего командования.

Успокоив подчиненных, Тимохин вернулся в помещение дежурного по части. Следом зашел помощник, сержант Блинов:

– Извините, товарищ старший лейтенант, я невольно слышал ваш разговор с капитаном. Так получилось. Как раз из туалета вышел, а тут и вы сцепились.

Тимохин спросил:

– Ну и что?

– Я... Я хочу сказать, что если кто будет спрашивать из начальства, что произошло сегодня, то будьте уверены, я отвечу, что ничего не слышал и ничего такого не видел. В общем, скажу, что не было никакого скандала.

Старший лейтенант спросил:

– А разве, Блинов, врать хорошо? И как можно лгать вышестоящему командованию? Этому ли вас учат в подразделении?

– А разве капитану разрешается так вести себя с другими офицерами и тем более с солдатами, которые не могут ответить ему?

– И все равно, сержант! Нехорошо говорить неправду. Хотя... иногда и приходится. Ты не беспокойся, не думаю, что начальник штаба станет развивать конфликт...

– Извините, а о каком конфликте вы говорите?

Тимохин рассмеялся:

– Ну и хитер ты, Блинов! Верно, никакого конфликта не было! Так и бойцам передай! После чего садись за пульт, я пойду в столовую, ужин на носу. Одного посыльного я заберу с собой. Вернусь, пойдешь ужинать с другим бойцом.

Проверив готовность ужина, сняв пробу и разрешив раздачу пищи, Тимохин объявил построение батальона.

Роты выстроились на плацу. Отправив подразделения в столовую, Александр прошел в парк боевых машин. Прапорщик Чепцов сидел на кушетке и, морща лоб, вертел вошедший в моду кубик Рубика. Дежурный по парку был настолько увлечен этим занятием, что не заметил Тимохина. Тот от дверей контрольно-технического пункта, улыбаясь, спросил:

– Что, Вова, не получается собрать кубик?

Прапорщик поднял глаза на офицера:

– А, это ты? Да ни хрена не получается. Крутишь его, козла, и так и этак, а он все одно встает разными цветами. Удивляюсь, как этот кубик вообще мог придумать человек? Сколько же ума надо иметь?

Тимохин присел на стул возле пульта КТП:

– Согласен, а собирается он просто!

– Хочешь сказать, что ты можешь собрать его?

– Конечно!

– Докажи!

– Давай!

Взяв кубик, старший лейтенант через несколько минут вернул его собранным прапорщику, вызвав у того искреннее изумление:

– Ну ни хрена? А как ты его? И вертел недолго. Неужели соображалки хватило понять его систему?

Старший лейтенант закурил:

– Соображалка тут ни при чем! Я тоже с этим кубиком в свое время помучался. А потом в журнале «Наука и жизнь» наткнулся на статью, где давался порядок сборки. Запомнил, потренировался, вот и результат!

– А сам бы не додумался?

– Вряд ли!

– Мне нарисуешь эту схему сборки?

– Я тебе журнал отдам. Он у меня где-то дома валяется. Если только в печке не сжег. Но не должен был.

– Это ништяк! Только уговор, Саня, о журнале никому ни слова. У нас никто не собирает кубик, видно, кроме «Коммуниста Вооруженных Сил», другими журналами не пользуются. А я возьму и перед построением соберу. Вот мужики удивятся. За умного прокачу.

Александр, затушив окурок, сказал:

– Договорились!

Прапорщик напомнил:

– Насчет ужина еще не решил?

Старший лейтенант махнул рукой:

– Давай! На пузырь деньги найдешь?

– Обижаешь!

– Ладно, посидим, но только не сразу после отбоя, а как танцульки в клубе кончатся и толпа по домам разойдется!

– Понял! У тебя все нормально? А то вид какой-то непонятный. Вроде улыбаешься, а невесело. Произошло что?

– Да так, с Гломовым опять сцепился!

– По-крупному?

– Да!

Прапорщик вздохнул:

– Эх, смотри, Саня, сожрут эти псы, Гломов с замполитом Василенко. Ты ж им как кость в горле. Впрочем, за это тебя и уважают мужики в батальоне.

– Подавятся, Вова!

– Ну, гляди! Жаль будет, если они верх возьмут, а для этого и у Гломова, и у Василенко возможностей больше чем достаточно. Правда, комбат вроде непонятно почему тебя поддерживает, но и его сломать нетрудно.

– Хорошо об этом, Вова! Короче, где-то часов в одиннадцать я, проверив казармы, приду. Перед выходом из штаба отзвонюсь.

В дежурке помощник сообщил Тимохину, что звонил командир батальона. Сказал, как объявится дежурный, чтобы связался с комбатом.

Александр сел за пульт, пододвинул телефонный аппарат, набрал трехзначный номер квартиры Галаева. Почти тут же услышал:

– Слушаю!

– Дежурный по батальону старший лейтенант Тимохин. Вы...

Комбат прервал офицера:

– Ты что себе позволяешь, старший лейтенант?

Александр отыграл удивление:

– В смысле?

Подполковник повысил голос:

– В прямом, Тимохин, в прямом! Как ты посмел на моего заместителя, офицера, старшего тебя по должности и званию, руку поднять?

– О чем вы, Марат Рустамович?

– Ты чего дурочку ломаешь? При заступлении в наряд ничего не произошло?

– Ничего особенного!

– Да? А кто начальника штаба за грудки хватал, грозясь избить? Хрен в кожаном пальто?

– Не знаю, что за информацию вы получили, но она не совсем достоверна. Никто не трогал Гломова. Это он вел себя неподобающим образом. Ни с того ни с сего наехал на солдат, объявив им наряды вне очереди совершенно необоснованно, о чем я укажу в рапорте после дежурства. На меня наорал, как на пацана, забыв, наверное, что я такой же офицер, как и он, хотя какой офицер Гломов?! Одно недоразумение.

– Но почему вы с Шестаковым не доложили начальнику штаба о смене?

Старший лейтенант ответил:

– Шестаков здесь ни при чем. Это я решил не беспокоить капитана Гломова. Наверное, у него в штабе было срочное дело, раз он вечером явился в Управление. Вам звонили, но вы не ответили.

– Я все время был дома!

– Значит, связь не сработала.

– И как, по-твоему, я должен отреагировать на рапорт Гломова, который он грозился в понедельник положить мне на стол?

– Это смотря, что укажет в своем рапорте Гломов. Я тоже подам рапорт. И у меня будут свидетели безобразного поведения начальника штаба. А вот кто подтвердит писанину начальника штаба, не знаю!

– Как же ты достал меня со своими стычками с начальником штаба!

Тимохин сказал:

– Он знает, что следует сделать, дабы эти стычки прекратились. Всего ничего. Стать нормальным, уважающим достоинство других людей офицером! Или должность позволяет вести себя по-хамски? По Уставу не позволяет. Следовательно, капитан Гломов явно превышает свои должностные полномочия. Разве это не повод для разбирательства?

– Иди ты к черту, Тимохин!

– С удовольствием! Кому передать дежурство?

– Ты у меня пошуткуешь! Я с тобой завтра поговорю.

– Понял! Только прошу беседу провести или до 9-00 или после 13-00, не во время положенного мне отдыха!

Комбат бросил трубку.

Проконтролировав проведение вечерних проверок в подразделениях, Тимохин в 23-00 объявил в батальоне отбой. В это время стихла и музыка, доносившаяся из Дома офицеров. Дискотека закончилась. Офицеры с женами или по отдельности разошлись по домам военного городка.

Тимохин доложил оперативному дежурному по гарнизону о том, что распорядок дня в батальоне исполняется без срывов, нарушений, замечаний, и собрался позвонить Чепцу, как появился помощник. Сержант сообщил:

– Товарищ старший лейтенант! Там к вам женщина пришла! Просит пропустить в штаб.

– Что за женщина?

– Симпатичная такая. По-моему, я ее в медсанбате видел. Пропустить?

– Нет! Передай, пусть присядет на лавку в курилке, я подойду!

Помощник козырнул:

– Есть, товарищ старший лейтенант!

Александр подумал – это Ирина! Но почему она решила прийти ночью в штаб? Что-то у нее случилось? А что могло случиться? Если только на дискотеке кто-нибудь из молодняка обидел? Но что гадать? Сама все расскажет. Старший лейтенант вышел на улицу, приказав помощнику занять место за пультом дежурного. Прошел в курилку, присел напротив любовницы. Он не ошибся, это Люблина пришла к нему.

– Привет, Ира! Что произошло?

Женщина прикурила сигарету, взглянула на Тимохина, и тот понял – любовница изрядно пьяна:

– Ты не рад меня видеть?

– Рад! Я спросил, что случилось?

– Ничего. Просто соскучилась и решила провести тебя! Одному ночью в части поди скучно? Или эту скуку кто-то разгоняет?

Она выдохнула в сторону старшего лейтенанта струю дыма:

– Так разгоняет или нет?

Тимохин развеял рукой дым:

– Ты пьяна, дорогая! Иди-ка лучше проспись!

Женщина изобразила удивление, что вышло неубедительно. Оно и понятно, выпила никак не меньше полбутылки вина или шампанского. А Люблина и со стакана пива пьянела. Алкоголь действовал на нее быстро и непредсказуемо, иногда вызывал смех, иногда слезы, реже раздражительность и грубость.

– Да, дорогой, я пьяна! Но не от вина, а от любви. Идиотской любви к тебе, которую ты не желаешь замечать. И пытаешься растоптать.

– Ну, понесла! Ира, прошу, иди домой, проспись! Завтра встретимся, поговорим!

– И только-то? Мне нужно большее, нежели разговоры. Мне ты нужен! Весь!

– Хорошо! Будет тебе все, что хочешь!

– Отделаться хочешь? Хотя если ты провожаешь меня к себе домой, то я пойду, чуть позже!

– Нет! Я провожаю тебя не к себе!

Женщина сощурила глаза, светящиеся зовущим, страстным и пьяным блеском:

– Почему не к себе? У тебя дома другая баба? Кто? Уж не машинистка ли ваша?

– Нет! Там должен ночевать Шестак. Один или нет, не знаю!

– Вот как? А я не верю. Возьму и проверю!

– Ты не сделаешь этого!

– Почему? Легко!
– Так! Ты зачем пришла?
– Я тебе уже говорила, проведать, потому как соскучилась. И вообще, почему ты груб со мной? Со мной грубым быть нельзя! Меня теперь оберегать и любить надо!

Тимохин усмехнулся:

– Пряма-таки надо? Скажи еще, необходимо по обязанности! И с чего вдруг?

Люблина выбросила окурок:

– С того, дорогой, что я, вполне вероятно, беременна! А так как последние месяцы спала только с тобой, то и беременна, естественно, от тебя!

Слова женщина сопровождала кокетливыми жестами рук.

– Вот так, Сашенька! Как тебе новость? Ты, конечно же, рад, не правда ли?

– Очень! Однако, что значит «вполне вероятно, беременна»? Ты не уверена в этом?

– Ну, это не важно! В понедельник проверюсь, и диагноз подтвердится. В этом я уверена!

Но что-то я не вижу особой радости у будущего папаши?

– В понедельник увидишь!

– И ты, конечно, как человек благородный, женишься на мне?

– Посмотрим!

Женщина изобразила возмущение. А вообще она играла плохо, спиртное мешало. Подобный разговор следовало начинать по трезвянке, хорошо подготовившись и выбрав момент. Люблина же играла экспромтом:

– Что значит «посмотрим»? Не оставишь же ты меня матерью-одиночкой? Хотя от вас, мужиков, всего можно ожидать.

Старший лейтенант поднялся:

– Так! Идем! Я провожу тебя. А то сама не дойдешь!

– Идем! К тебе! Я хочу тебя!

– Сколько раз говорить, ко мне нельзя!

– Так пойдем ко мне! Соседка с танцев к молодому лейтенанту свинтила.

– У меня служба, или ты не врубаешься ни во что?

– Ой, ой, ой! Служба! Тоже службист нашелся. Тебе ж плевать на все!

– На все, но не всегда!

– Значит, служба? А как же я? Неужели здесь лучше, чем со мной в постели?

– Ты совсем заговариваться начала! Короче, Ира, или мы вместе идем, или я приказываю солдатам отвести тебя в общежитие.

– А ты не боишься, что солдаты изнасилуют меня? С голодушки?

– Не боюсь! Так как, вызывать наряд?

– Скотина ты, Тимохин! Соблазнил женщину, а теперь издеваешься. А еще офицером себя называешь! Самец ты обычный, а не офицер. Но учти, так просто ты от меня не отделаешься. Если...

Тимохин вызвал посыльных:

– Иванов, Петренко! Ко мне!

Солдаты подошли, доложили о прибытии.

Старший лейтенант указал на женщину:

– Отведите даму в женское общежитие.

Люблина встала, покачнулась:

– Я в провожатых не нуждаюсь.

Взглянула на любовника, усмехнулась:

– Я уйду! Не волнуйся, дорогой! А вот в общагу или еще куда, подумаю по дороге. Пока, любимый! Счастливой тебе службы, карьерист ты мой!

Ирина, закулив очередную сигарету, вышла на аллею и, шатаясь, пошла в сторону городка. У ограды остановилась, повернулась, чему-то рассмеялась и скрылась за зарослями кустов.

Рядовой Петренко предложил:

– Пойти за ней, товарищ старший лейтенант?

– Зачем?

– Пьяна же. В арык оступится, разбиться может!

– Не оступится. Давайте на отдых по одному! Но так, чтобы потом не бегать, не будить!

– Есть!

Тимохин вернулся в дежурку. Ударил кулаком по столу:

– И что за день сегодня такой? И что за жизнь пошла? Быстрей бы командировка. Надоело все, сил нет!

Помощник спросил:

– У вас и с женщиной неприятности, товарищ старший лейтенант?

– Занимайся своим делом, сержант! И не задавай ненужных вопросов!

Александр поднял трубку телефона, набрал номер КТП.

Чепец ответил:

– Дежурный по парку слушает!

– Тимохин! У тебя все готово?

– Конечно! Пока подойдешь, из столовой горячей картошки поднесут. А водку взял еще до отбоя!

– Хорошо! Иду!

– Угу! Жду! Бойцов на территорию отправлю, чтобы потом не базарили чего не следует!

Тимохин повернулся к помощнику:

– Я в парк! Через час буду. Тогда и ляжешь спать. А пока неси службу. Пройдет проверочный сигнал или оперативный передаст информацию, что делать, знаешь. Не получится расшифровать, звони в парк.

– Да все будет нормально. Первый раз, что ли?

– Ну, давай! Я надеюсь на тебя!

– Не волнуйтесь, товарищ старший лейтенант!

Проверив несение службы внутренним нарядом рот, Тимохин зашел на контрольно-технический пункт, где уже на табуретке стояла сковорода, на пульте бутылка водки с двумя кружками.

Старший лейтенант присел на кушетку:

– Наливай по полной, Вова!

– Как скажешь!

Дежурные по части и парку выпили, закусили. Вернее, поужинали.

Закулив, прапорщик сказал:

– Это, конечно, не мое дело, Саня, но твоя Ирина на дискотеке с капитаном-хирургом, недавно прибывшим в медсанбат, жару давали не слабо!

– Откуда тебе это известно? Я же предупреждал, не ходить в клуб!

– Я и не заходил. Ты забыл, какие окна в Доме офицеров? Витрины больше, чем в поселковом центральном кабаке. С улицы все видно. Я в автолавке водку взял и назад темной стороной. На клуб глянул, а там медсестра твоя во всех позах гнется в руках у этого капитана. И шампанское по очереди из горла тянут. Ирка хохочет, виснет на хирурге. Я обалдел. Ведь она ж с тобой живет! Или спьяну голову потеряла?

– Ничего, Вова, утром найдет головушку свою буйную.

– Нет, но так нельзя! На виду у всех! А на них многие смотрели. Базара теперь будет на весь городок. И из тебя рогоносца сделают. Хотя ты ей не муж, она не жена. Но сплетен не оберешься.

Тимохин махнул рукой:

– Черт с ними! Этих сплетен и без повода всегда полно!

– Что верно, то верно! Только не пойму, с чего она разошлась? Вроде баба скромная, а тут?

– Хорош, Володь! Разливай, что осталось, да пойду я в штаб. Помощнику отдыхать скоро.

Офицеры допили водку, опустошили сковороду.

Ровно в час, зайдя еще в столовую, старший лейтенант прибыл в штаб. Наступило самое муторное время в наряде. С часу и до подъема. Потом пойдет легче. День проходит быстро. До 13-00 спишь, потом обед, и пора к смене готовиться. Если, конечно, до подъема не произойдет ничего неожиданного. Но в этот наряд старшего лейтенанта ждало еще одно событие. И вновь неприятное. Началось оно, когда стрелки часов показали 3 часа утра.

Глава третья

Воскресенье 10 июня. 3 часа утра. Дежурный по отдельному ремонтно-восстановительному батальону старший лейтенант Александр Тимохин мерно дремал, покачиваясь на стуле у пульта служебного помещения. На топчане, за занавеской, похрапывал его помощник сержант Юрий Блинов, посыльный по штабу рядовой Иванов отдыхал в казарме, и только второй посыльный рядовой Петренко нес службу, сидя на ступеньках крыльца штаба, часто бросая взгляд на часы и зевая. Раннее утро. Тишина. Лишь ленивый стрекот цикад да уханье какой-то ночной хищной птицы в зеленой зоне у реки Теженка.

Неожиданно, как выстрел, раздался грохот от падения стула в предбаннике. Александр, оторвавшись от дремы, повернулся и увидел перекошенное страхом лицо буквально вломившегося в дежурку бодрствующего посыльного, здоровяка Петренко.

Тимохин спросил:

– В чем дело, солдат?

Рядовой хватал ртом воздух и только показывал рукой за спину, на коридор.

Дежурный офицер крикнул:

– Да что с тобой? Ну?

– Там... там... за штабом... какой-то пацан... того...

– Что того?

– Это... вешаться, бля, собрался!

– Что?

Тимохин вскинул на рядового удивленный взгляд:

– Тебе не приснилось, а то спите в наряде, как кони в оглоблях?

– Да нет! Не приснилось!

Петренко более-менее пришел в себя:

– Точняк говорю, товарищ старший лейтенант! На старом баскетбольном щите парень какой-то в трусах, веревку к кольцу приладил, петлю сообразил. Дальше я смотреть не стал, сразу к вам!

– А чего не помешал ему?

– Не знаю! Испугался!

Старший лейтенант приказал:

– Бегом за мной!

И выбежал из штаба, бросился через скамейки и ограду курилки, по клумбе, к углу здания. Выскочил на пространство между забором и тыловой стороной штаба, где когда-то была спортивная площадка, о которой напоминала лишь ржавая, покореженная конструкция баскетбольного щита. Досок не сохранилось, только металл. Кольцо, от которого вниз спадала веревка с петлей на окончании. Боец, решивший покончить жизнь самоубийством, пытался дотянуться до петли, находясь на конструкции. И не мог. Что спасло ему жизнь. Реши он подтащить к петле ящик, валявшийся недалеко, то сейчас уже дергался бы в предсмертных судорогах. Но не догадался. Полез на щит.

Дежурный резко остановился перед металлической конструкцией. Настолько резко, что ему в спину всей массой врезался рядовой Петренко, чуть не сбив Александра на землю, в пыль.

Старший лейтенант ругнулся:

– Твою мать, Петренко! Куда прешь танком?

– Извиняюсь, товарищ старший лейтенант.

И указал на самоубийцу, которого прекрасно видел Тимохин:

– Вон он, висельник!

– Да? Других здесь нет?

Рядовой всерьез воспринял вопрос офицера:

– Не видал! А что проверить другой торец?

– Молчи.

Тимохин подошел к висящему пока еще при помощи одной руки и ног на металлических распорах вышки молодому пареньку, который ни на что и ни на кого не обращал внимания, пытаясь дотянуться до петли. Резко крикнул:

– А это что еще за обезьяна?

Несостоявшийся самоубийца заметно вздрогнул и чуть не сорвался вниз. Удержался. Расширенными глазами он смотрел на неведомо откуда объявившихся за штабом рембата офицера и солдата.

Тимохин сделал еще два шага к вышке.

Боец в трусах закричал:

– Не подходи! Или я головой в бетон! Мне терять нечего!

Вышка стояла на бетонном основании и отчаявшийся или свихнувшийся солдат вполне мог броситься вниз головой на этот пятак бетона. Поэтому Тимохин остановился.

– Встал! Какие еще будут указания?

– Кто вы? Зачем вы здесь?

Тимохин не первый раз сталкивался с подобными случаями, которые в армии происходили нередко, и чаще всего их причиной являлись проблемы гражданки. Поэтому знал, как вести себя в данной ситуации.

– Кто мы, спрашиваешь? А сам не догадываешься? Хотя бы по нарукавным повязкам?

– Наряд рембата?

– Верно! Теперь зачем мы здесь. Затем, чтобы посмотреть, как ты будешь вешаться. Такое зрелище ж не каждый день, а точнее, утро увидишь. Кстати, ты не скажешь, как тебя зовут?

– А зачем вам это?

– Чтобы знать, кто такой отчаянный решил сдуру покончить с собой!

– Я не сдуру решил!

– Неужели осознанно в петлю лезешь?

– Да!

То, что потенциальный самоубийца вступил в разговор, было хорошо. Значит, не все еще потеряно. До петли ему по-любому уже не дотянуться, а вот броситься вниз солдат может. Насмерть не разобьется, не та высота, а вот калекой на всю жизнь останется без всяких сомнений.

– Так как тебя зовут, воин?

– Ну, Борис, и че?

– Ты из танкового полка?

– Нет!

– Из мотострелкового?

– Да!

– Ясно. Пехота, значит! А чего сюда, к штабу рембата, вешаться пришел? У вас своих спортивных площадок навалом, да и столбов с деревьями хватает, почему это место выбрал?

– Мое дело!

– Нет, конечно, каждый волен сам выбирать место, где покончить с жизнью, и все же почему рембат? И идти сюда было дальше, и заметить по дороге могли.

– Не ваше дело!

Тимохин повернулся к Петренко:

– Иди в штаб, а то на пульте никого. С этим корешком я сам разберусь!

– Понял! В штаб пехоты ихнему дежурному насчет висельника позвонить?

– Погоди! Лишние люди здесь не нужны. И шум тоже.

Рядовой, развернувшись, пошел к углу штаба.

Самоубийца крикнул:

– Куда он?

Александр ответил:

– Службу нести! Дежурка-то пустует. А если сигнал тревоги пройдет?

– Он полкана вызовет?

– Зачем? Зачем тревожить твоего командира полка? Пусть спит. Мы и без него обойдемся, не правда ли?

– Что значит «обойдемся»?

– Мне тебе каждое слово пояснять? Ты с детства такой непонятливый или в армии отупел?

– Я не отупел! И не идиот!

– Тогда не переспрашивай. Ты куришь?

– Чего?

– А говоришь, не отупел! Я задал тебе элементарный вопрос – ты куришь? И что в ответ?

Опять то же самое?

Солдат шмыгнул носом:

– Ну, курю, и че?

– «Ростов» будешь?

– Я не слезу!

– Сиди на вышке, если хочешь, я подам сигарету. Что ради наших доблестных защитников отечества не сделаешь? Подать?

– Прикуренную! Но, предупреждаю, попробуете захватить, сразу вниз головой прыгну. Я такой!

– Да уж вижу, какой ты! Только на хрена мне тебя захватывать? Разобьешься – меня же и обвинят в твоей гибели. А я за тебя отвечать не имею ни малейшего желания. Покурим, не одумаешься – уйду. А ты делай что хочешь. В конце концов, твоя жизнь – это твоя жизнь.

– Я не верю вам!

– Тебя кто-то просит или заставляет верить? Сказал же, мешать не буду. Вон от угла только посмотри, как ты удавишься. Если, конечно, позволишь!

– Не смейтесь!

– А я не смеюсь! Разговариваю с тобой вполне серьезно.

Боец терялся от спокойного, даже равнодушного тона офицера, который по всем инструкциям должен из кожи вон лезть, дабы не допустить самоубийства солдата. Ведь за это его награждают. А этому старшему лейтенанту словно все по барабану. Но курить самоубийце хотелось.

– Ну, давайте вашу сигарету. Только, как говорил, прикуренную. А потом уходите. И смотреть на меня нечего! Не цирк!

– Как скажешь, Боря. Имя у тебя...

– Чего?

– К ситуации как никакое другое подходит – Борис в петле на щите повис! Нормально, да?

– У вас идиотские шутки!

– Согласен! Извини, если обидел!

Тимохин вплотную подошел к вышке. Медленно достал пачку «Ростова». Выбил из нее две сигареты. Прикурил сразу обе. Одну протянул солдату. Тот нагнулся, спустившись на пролет, и не успел взять сигарету, как был сорван сильной рукой Тимохина вниз. Офицер и несостоявшийся самоубийца упали на землю. Александр быстро скрутил солдата, привязал его руку к трубе кстати подвернувшемуся куском крепкой бечевы. Впрочем здесь, за штабом, где уборкой занимался хозяйственный взвод, всякого «добра» хватало.

Солдат крикнул:

– Вы обманули меня!

– Ты не оставил мне выбора. Не мог же я в самом деле допустить, чтобы ты повесился.

Офицер подобрал сигарету парня, протянул ему:

– Кури!

Тот свободной рукой схватил сигарету, жадно затянулся.

Тимохин отряхнулся, тоже закурил, присел перед солдатом на корточки. Тот отодвинулся:

– Бить будете?

– За что? Не бойся. Я маленьких не обижаю. Ты мне лучше, Боря, скажи, с чего это вдруг ты решил повеситься? Хотя попробую угадать. Любимая девушка на гражданке полюбила другого и больше не ждет тебя. Так?

Солдат, обреченно вздохнув, утвердительно кивнул короткостриженной головой:

– Так! Зойка, девушка моя, письмо вчера прислала. Она каждый день писала, я тоже. Вот и вчера получил послание. Настроение выше крыши, а как вскрыл конверт да прочитал письмо, так в глазах потемнело. Она замуж собралась. За одноклассника своего. Он не пошел в армию, в институт поступил. Вот Зойка и закружилась с ним, пока я тут... службу тащу! А я люблю ее! И она ведь все время писала, что любит и ждет. А получилось? Врала она мне? Ну зачем? Гуляла с парнем, спала с ним, а мне писала, что любит и ждет! Я как представил Зою в платье невесты, с этим... этим студентом, так у меня... у меня все оборвалось! И решил, не нужна мне жизнь такая!

Солдат, отвернувшись, заплакал. По-детски хлюпая носом.

Старший лейтенант поднялся:

– Понятно, Боря! Стандартная, обычная история! Через это почти все проходят, кто оставляет, уходя в армию, невест. Вот и ты попал. И оказался нюней, сопляком, а не мужчиной. Короче, вся твоя беда в том, что слабак ты! Вот такие и вешаются. Хотя, если честно, я тебя понимаю!

Солдат повернул к офицеру заплаканное лицо:

– Вы не можете меня понять!

– Это еще почему?

– Не знаю! Но не можете!

– Эх, Боря, Боря! Может, и не следует это говорить, но я в свое время пережил нечто подобное.

– Вы?!!

– А что тут удивительного? Разве офицер не такой же человек, как и ты? И у меня была любовь первая! Да еще какая! Я тоже уехал учиться в другой город, и лет мне тогда было меньше, чем тебе. А в отпуске, в первом зимнем, встретил в родном городе девушку. Случайно, на улице! Помню, морозы тогда стояли жуткие. А тут вечер, пустой последний троллейбус, девушка в нем. Красивая очень. Я со стороны не мог налюбоваться на нее. Так доехали до конечной остановки. А район тот считался глухим, беспокойным. Шпана так и рыскала по ночам. Смотрю, она осматривается и от холода поеживается. Ну, я к ней. Разрешите, мол, проводить? Девушка согласилась. Взяла она меня под руку, и пошли. И так мне было хорошо, что никакой шпаны не боялся. Впрочем, мы так и не встретили никого. Проводил я ее до дома, она зашла в квартиру и... вышла. Представляешь, да утра в подъезде простояли, о чем говорили, и не помню. Чувствую, влюбился по уши. В общем, я уехал дня через два-три в училище, и стали мы переписываться. В летнем отпуске поехали в деревню. И вот что я на всю жизнь запомнил, так это вечер 6 августа. День своего рождения. Мы с ней ушли на луга, а там стога высоченные. Ну и забрались на один. И вот лежит она, распустив волосы, и смотрит

на меня. А в глазах, Боря, столько любви было, что светились они маняще! Поверил я им. Не словам, Боря, не письмам, а глазам. Они не могли обмануть. Так я тогда считал...

Тимохин нервно закурил очередную сигарету, выдохнул облако дыма, печально глядя в сторону городка.

Солдат тихо спросил:

– И что потом?

Александр очнулся:

– Что потом? Потом мы поженились. Я закончил училище, получил распределение в Венгрию. Уехал. Через полгода приехала жена. А еще через какое-то время я понял, что ошибся насчет глаз. Могли они обмануть. И обманули. Не сложилась семейная жизнь. Подал рапорт в Афганистан, попал сюда. Жена осталась в России. Теперь вот жду отпуска, чтобы развестись. Вот так! А ты вешаться собрался. Ну и чего добился бы? Отправили бы цинк на родину, «пода-рок» родителям, закопали бы тебя. Думаешь, Зоя пришла бы на кладбище? Или слезу пролила? Вряд ли. Она бы продолжала жить. Понимаешь, дурак ты, жить. А ты со своей ревностью гнил бы в земле. Туда же и родителей свел бы! Встряхнись! Будь выше измены! Возьми и поздравь свою неверную подругу, пожелай счастья и забудь о ней! Вычеркни из жизни раз и навсегда. Поверь, у тебя все только начинается. И любовь настоящую ты еще встретишь. И стыдно тебе будет вспоминать сегодняшнюю ночь.

Тимохин выбросил окурок, отвязал парня:

– Пошли в штаб!

Борис спросил:

– А что теперь со мной будет? В психушку отправят?

– Не знаю! Но подлечиться тебе не помешает. Нервы в порядок привести. Ну и забыть неверную любовь свою! Да ерунда все это. Главное, чтобы ты понял, жить надо! Чтобы вернуться домой мужчиной! А повеситься дело нехитрое. Уж это ты всегда сможешь сделать. Ну, вставай! И так почти час болтаем тут!

– Вы передадите меня в полк?

– Ну, не в прокуратуру же?

– Не надо!

– Что значит «не надо»? Или ты хочешь, чтобы я отпустил тебя на все четыре стороны?

– Да нет! Отпускать не надо. Все равно идти некуда, да и не пошел бы я из гарнизона. Просто подумал, раз все посчитают, что у меня с головой неполадки, то засмеют, особенно старослужащие, и точно опять до петли доведут! Нельзя мне в полк!

– Ладно, идем пока в наш штаб. Там решим, что с тобой дальше делать.

Из штаба батальона Тимохин позвонил в мотострелковый полк. Ему ответил дежурный:

– Капитан Сергеев слушает!

Александр знал Сергеева:

– Славик? Привет! Тимохин!

– А? Рембат? Здорово. Как дела, Саня?

– Нормально, несу службу, как и ты!

– Что-нибудь случилось?

– Да! Образовалась тут одна проблема. Ты бы подошел ко мне?

– Проблема? Серьезная?

– Не телефонный разговор!

– Хорошо! Иду!

Штабы частей располагались недалеко друг от друга, поэтому Сергеев уже через несколько минут зашел в дежурку рембата. Увидел солдата своего полка, в трусах, съежившегося в углу помещения:

– А это чудо что тут делает? Самовольщик? Форму на самогон, что ли, променял?

Он подошел к бойцу:

– Я к тебе обращаюсь, солдат!

Несостоявшийся самоубийца отвернулся.

Капитан перевел взгляд на Тимохина:

– Что все это значит, Саня?

Тимохин рассказал Сергееву о событиях последнего часа.

Капитан присвистнул:

– Ни хрена себе! Значит, из петли этого озабоченного вытащил?

– Ну, не из петли, в нее он не успел залезть. Но вытащил.

– Дела... Что ж, благодарю! И сейчас же определю недоноска на гауптвахту.

Тимохин остановил мотострелка:

– погоди, Слав! У меня другое предложение.

Сергеев выслушал Александра, который предложил вариант с медсанбатом. Потер подбродок:

– В принципе, ты прав! В полку пацана точно заклюют. Тем более что служит он в проблемной роте. Там чуть ли не каждую неделю ЧП! Но по инструкции я-то обязан изолировать потенциального самоубийцу! А значит, отправить на губу!

– Ты – да! Но зацепил-то его я?! А он, типа, невменяем. И на губе может башку о стены или дверь размогнуть! Вот я, согласовывая происшествие с тобой, решаю отправить его в медсанбат. Пусть медики разбираются с его психикой!

– Ну, если так, то можно! А в санбате его примут?

– Куда денутся? Сейчас вызову бригаду, и эскулапам не останется ничего иного, как оприходовать Бориса в своих палатах.

– Ладно! Я не против!

В 4-20 четверо крепких санитаров увели пытавшегося повеситься солдата в специальную палату закрытого отделения. Туда отправляли офицеров и прапорщиков, ловивших «белочку» от пьянства. Правда, таких случаев было в гарнизоне немного. Два или три за службу в Кара-Тепе Тимохина. То есть за два года. На пороге солдат обернулся и успел бросить Александру:

– Спасибо вам!

Тимохин ответил:

– На здоровье!

После чего Александр с Сергеевым составили необходимые рапорта и разошлись. До подъема оставалось чуть более часа. Весь наряд штаба собрался после отдыха, и рядовые под командованием сержанта принялись наводить порядок внутри здания Управления и перед ним. Тимохин же прилег на топчан. Подумал. Ночь выдалась бурная. Чего ждать днем? Из разговора с комбатом насчет Гломова понятно. Какие еще сюрпризы преподнесет ему этот неожиданно насыщенный событиями наряд? Размышляя, он задремал.

В 7-00 Тимохин уже был на плацу батальона. Подъем прошел организованно. Проверив парк, столовую, котельную, Александр вернулся в штаб. Сбросил доклад оперативному дежурному по гарнизону.

В 8-40, после завтрака, подошел командир батальона, одетый в спортивную форму. Пригласил Тимохина в свой кабинет:

– Ну, Саня, рассказывай о конфликте с начальником штаба!

– А рассказывать-то и не о чем. Гломов погнал в дурь, я ответил. Особо отмечаю, без свидетелей с его стороны.

– Капитан намерен завтра обратиться к командиру дивизии.

Тимохин пожал плечами:

– Это его право! По мне, пусть хоть к министру обороны на прием записывается.

– Да! Ну, начальник штаба, черт с ним! Поговорю с комдивом, попрошу, чтобы Гломова в Ашхабад забрали, там как раз сейчас должность в автобате освободилась. Может, удастся спихнуть твоего друга в другую часть. К нему, кроме тебя, у многих офицеров претензии имеются. С этой проблемой вопрос решили. Но и тебе, старлей, меняться надо! Поскромнее вести себя, а то боевые выходы негативно влияют на твое поведение. Как бы сам в Гломова не превратился.

– Надеюсь, вы это несерьезно, Марат Рустамович?

– Очень даже серьезно, Александр Александрович. Кто ночью с дежурным по парку водку пил?

Старший лейтенант покачал головой:

– Да! Неплохо! Пил я, а вот кто заложил так оперативно, ума не приложу. Неужели бойцы наряда?

– Какие к черту бойцы? От вас с ним до сих пор перегаром несет. Ну, скажи, кто дал тебе право употреблять спиртные напитки в наряде? Да еще с прапорщиком-подчиненным?

– Никто не давал! Признаю, виноват! И за это готов понести любое наказание. Заслужил.

– Как все легко! Виноват – наказывайте, а я и дальше буду делать все, что захочу, так?

– Нет! Не так!

Подполковник присел на краешек рабочего стола:

– Станный и противоречивый ты человек, Тимохин! Сначала дисциплину нарушаешь, потом солдата спасаешь, отзывы по боевым выходам – отменные, в роте порядок, и тут же конфликт с начальником штаба, замполитом и секретарем партбюро. Как так можно? С твоими данными служи и служи до высоких чинов, ан нет, что-нибудь да выкинешь. Причем выкинешь такое, что диву даешься – зачем? Ты и в детстве беспокойным был?

– Не только беспокойным. Хулиганистым, задиристым.

Комбат закурил:

– Ладно! Докладывай о попытке самоубийства.

– Разрешите рапорт принести? В нем все подробно описано. Подтверждено одним из посыльных, а также дежурным по пехотному полку капитаном Сергеевым.

– Рапорт я прочитаю, ты мне своими словами расскажи, что произошло?

– Как скажете! В общем, решил солдатик из мотострелкового полка повеситься. Причина, как и в большинстве случаев, в девушке, переставшей ждать доблестного защитника Родины. Решил и выбрал самое удобное место, за нашим штабом. И повесился бы, если бы рядовой Петренко пошел по малой нужде, как и положено посыльному, в штабной туалет, а не махнул отлить за угол. Это он позже рассказал, после того как все кончилось. Ну, а зайдя за угол, увидел солдата в трусах, приспособляющего к старому баскетбольному щиту веревку с петлей. Дальше ничего интересного. Вышел я к нему, поговорил, убедил бросить это дело. Он послушался. Привел несостоявшегося висельника в штаб да вызвал дежурного по пехотному полку, где служит последний. Посоветовались, решили отправить в медсанбат, от греха подальше. Вот и все!

– Как же тебе удалось уговорить солдата отказаться от самоубийства? Ведь на такое решаются люди психически ненормальные или находящиеся в состоянии сильного стресса?

– Не знаю! Главное – удалось.

Комбат прошелся по кабинету:

– Вот-вот! И что получается? За распитие спиртных напитков в наряде я обязан тебя наказать, а за действия в отношении солдата поощрить. Ты ж ему ни много ни мало жизнь спас! И как же мне поступить? Наложить взыскание, отменить его и объявить благодарность?

– Да не надо никаких благодарностей. Взыскание – ваше дело, а поощрять не за что. Любой поступил бы так же. Даже Гломов!

– Сомневаюсь! Ну, ладно! Водку, будем считать, вы с Чепцом не пили, а за солдата благодарность.

– Служу Советскому Союзу! Кстати, товарищ подполковник, мне на отдых по распоряжку пора!

– Ну иди отдыхай! Эх, Саня, Саня! Подумал бы ты о своей дальнейшей жизни. Я ж помочь готов всегда. Поддержать, поощрить. Сделать все, что в моей компетенции.

– Спасибо! Я подумаю!

Галаев с Тимохиным покинули кабинет. Александр проводил комбата. Решил перед сном перекурить. Присел на скамейку курилки. Закурил. На душе было мутно. Действительно, жизнь складывается как-то по-идиотски! Ни службы нормальной, ни семьи, никакой радости. Сплошные проблемы. Да и те создаваемые самим собой. Прав Галаев, надо менять жизнь. Но для этого нужен стимул. Дабы обрести смысл. А где он, этот стимул? Что-то не видно!

Выбросив окурочек и вздохнув, старший лейтенант неожиданно услышал сзади:

– И что так обреченно вздыхает мой неотразимый кавалер?

Конечно же, Александр узнал голос Ирины. Повернулся:

– Легка на помине! Другого времени не нашла? И что, собственно, ты делаешь в расположении части, к которой не имеешь никакого отношения?

– Брось, Саш! Не груби! Тебе это не идет!

Люблина обошла ограждение, вошла в курилку, присела рядом со старшим лейтенантом:

– Привет!

– Привет! Что дальше?

– Голова болит, не представляешь как!

– Почему же не представляю! Вчера ты неплохо шампанским подзарядилась.

– Злишься?

– Радуюсь!

Ирина кивнула пышной шевелюрой волос, растрепанных ветром, который одарил городок легкой прохладой:

– Да, повод для этого есть! В общегитии девочки только и говорят о том, как ты ночью солдата из петли вытащил.

– Вашим девочкам больше заняться нечем? Или обсуждать больше некого? Или вы сами себя не обсуждаете?

Люблина вскинула на старшего лейтенанта удивленные, подкрашенные, но еще мутные от спиртного глаза:

– В смысле?

– Ну, хотя бы твои выкрутасы на танцульках с новым хирургом?

Женщина недовольно цокнула языком:

– Ты смотри, уже доложили. И кто ж это такой глазастый и подлый к тебе прибегал на доклад?

– А ты не знаешь, как у нас слухи распространяются? Сама же только что сказала, что ваши девочки всю ночь обсуждают случай с солдатом. Не успев как следует проснуться.

– Вот именно, что слухи. Ну, танцевала с капитаном, а что? Тебя же рядом не было. Шампанского с ним выпила. Но все! К тебе пришла! Или не помнишь?

– Знаешь, Ир, делай что хочешь, а сейчас уйди. Мне отдохнуть надо! Спать хочу!

Женщина прижалась к старшему лейтенанту:

– Я уйду, уйду! Только скажи, что не обижаешься, что у нас с тобой все по-прежнему и что ночь мы проведем вместе, у тебя дома. А на то, что наговорила вчера, не обращай внимания. Пойми, я люблю тебя и не хочу потерять. Мне никто, кроме тебя, не нужен. И все у нас будет хорошо. Другие обзавидуются.

– Ты мне ночью о беременности намекнула. Ты и вправду беременна?

– Думаю, да, но надо провериться. А что? Тебя не радует это? Рожу ребеночка, и будет у нас полноценная семья. Или ты против?

Старший лейтенант резко поднялся:

– Или я против!

– Что?!!

Глаза Ирины округлились:

– Что ты сказал? Ты против ребенка? Семьи?

Александр подтвердил:

– Да, против! Считаю меня кем угодно, негодяем, монстром, бревном бездушным, но не будет у нас с тобой семьи. Больше, Ира, у нас с тобой ничего не будет.

– Ты что, Саша?

Люблина испугалась:

– Как же так? Я же люблю тебя!

– Но я не люблю! Хотел полюбить, не смог! А врать, играть – зачем? Кому от этого легче станет? Тебе? Не станет! Родишь ребенка – признаю, фамилию дам, содержать буду, помогать. Но не более. Ни о какой семье речи быть не может. Все! Извини! Я в штаб! Вечером не встречай и не приходи. Не хочу! Прощай!

Оставив женщину в растерянности, старший лейтенант прошел в дежурку. Помощник уже сидел за пультом. Александр прилег на кушетку, задернув занавески и переложив пистолет из кобуры под подушку. Он слышал, как ушла Ирина. Слышал затихающий стук ее каблучков по аллее, ведущей в военный городок. Сон как рукой сняло. Вместо него в голову лезли мысли. А правильно ли он поступил, вот так резко оборвав отношения с Ириной? Не жестоко ли обошелся с ней, обычной, слабой женщиной, желающей одного – обрести свое счастье? Ира неплохая женщина, ей семья нужна. В этом смысл ее жизни. Но что делать, если он, Тимохин, не любит ее? Ну не любит и все! И какое с ним у нее может быть счастье? Да, он спал с ней, и ему было хорошо. Не всегда, но было. Ну и что? Ведь он не соблазнял Ирину обещаниями, не обманывал ее. Мужчине нужна была женщина, женщине – мужчина. Только поэтому они в первый раз оказались в постели. И разве вина Александра, что Ирина полюбила его? И полюбила ли? Не внушила ли себе, что любит, не понимая этого чувства? Сказала, что беременна. Пока предположительно. Может, так просто сказала, может, заметила изменения в своем здоровье, возможно, критические дни вовремя не наступили. И опять-таки, ну и что? Допустим, беременна. Это значит, он, Тимохин, обязан жениться на ней? Хорошо, женится. Кому от этого лучше или легче станет? Ирине? Сначала, возможно, и станет, а потом? Потом начнутся придирки, капризы, скандалы. Не сможет он играть в любовь. Не сможет. И уйдет! Рано или поздно, но уйдет! Что будет с ребенком? Останется сиротой при живых родителях? Почему считается, что семьи следует сохранять даже только из-за детей? Мол, детям в неполноценной семье плохо. А в семье, где эти дети будут видеть скандалы между родителями? В семье, где вместо истинного счастья будет царить ложь, им, детям, хорошо жить будет? И какими они вырастут, имея перед собой постоянный негативный пример родителей? Такими же, как и их родители. Лживыми, приспособляющимися к жизни, принимающими вранье за благо, уверенными в том, что цель оправдывает любые средства? Нет, детям любовь нужна, тепло, ласка. Их не обманешь. Дети отличают игру от истинных чувств и будут несчастными, возможно, не вполне осознавая это. Так правильно ли он поступил? Правильно! Но тогда почему сейчас ему плохо? Почему гложет чувство вины перед Ириной? В чем он виноват? Тем, что не пожертвовал собой ради ее счастья? Но не было бы никакого счастья. Все в дальнейшем сложилось бы так же, как и с первой его семьей! Черт! От этих мыслей с ума можно сойти. Надо разогнать их, уйти от них, прекратить думать об Ирине. Впереди очередной боевой выход. О нем и думать. А время сгладит чувство вины и все расставит по своим местам. Все равно теперь назад хода нет! Все! Отрезано!

Кое-как в одиннадцатом часу старший лейтенант уснул. Приснилась ему Ирина с ребенком на руках. Ребенок плакал, Ира не могла успокоить его. А Александр стоял в стороне, и детский крик разламывал его череп. Ира посмотрела на него какими-то пустыми, измученными глазами, попросила:

– Помоги! Не видишь, у меня уже сил нет. Хоть сейчас помоги.

А ребенок вдруг выпал из пеленок. И превратился в мальчика лет восьми.

– Что же ты, папа, бросил нас?

Ирина рассмеялась:

– Хорошо, что только бросил. Он убить нас с тобой хотел. Желал, чтобы я сделала аборт, а мне нельзя. Скажи папе спасибо, что силой не затащил нас в гроб. Он у нас такой. Добрый.

Мальчик же, ставший подростком, ответил, поклонившись:

– Спасибо, папа!

И вдруг лицо его исказилось в страшной гримасе:

– Будь ты проклят, папаша! Лучше бы убил! Убил, убил, убил...

Тимохин проснулся в поту, несмотря на то что помещение охлаждал кондиционер. Резко сел на кушетке. Тряхнул головой:

– Черт! Да что это такое? Надо же такому присниться!

Он хотел тут же закурить, как услышал голос из коридора:

– Блинов! Тимохин проснулся?

Пришел Шестаков, и явно хорошо поддатый. Но сейчас Александр был рад этому. Он вышел в дежурку, куда уже вошел веселый лейтенант.

– С тобой проснешься! И чего шатаешься в воскресенье по части? Больше делать нечего?

Шестаков уставился на Тимохина:

– Что с тобой, Саня? Заболел, что ли?

– С чего ты взял?

– Да в зеркало на себя посмотри. Бледный, потный, а здесь, в дежурке, прохладно. Уж не зацепил ли какой заразы? Тут ее подцепить, как два пальца об асфальт! И желтуху, и тиф, и еще чего типа этого!

Тимохин полотенцем протер лицо. Достал пистолет из-под подушки, вставил в кобуру, одернул слегка помявшуюся и влажную рубашку. Оборотился к помощнику:

– Сиди пока здесь, я в столовую!

Блинов сказал:

– Вы бы, товарищ старший лейтенант, действительно в медпункт зашли. Метались и кричали что-то во сне. Честно говоря, не по себе стало. Думал уж командиру батальона звонить! Но решил обождать.

– Правильно решил. Все нормально. Со мной изредка бывает такое. Сон страшный еще с детства снится. Редко, но не отпускает. Испугался я пацаном сильно, когда тонул. Вот и снится та река. Но все, все уже прошло. Я в норме!

Он повернулся к лейтенанту:

– Пойдем, Шестак! По дороге в столовую поговорим. Заодно провожу тебя за пределы части. Нечего тут пьяным шататься. Неприятности на свою задницу искать!

– Так мне плевать! Видал я эту службу знаешь где?

– Знаю! Все знаю! Но идем! Мне пока не плевать.

– Ну, идем! А вообще, Саня, тебе граммов сто всосать надо! В себя прийти, а то видок по-прежнему такой, будто за тобой черти гонялись.

Тимохин спросил:

– А есть водка?

Лицо Шестакова расплылось в довольной улыбке:

– Обижаешь, начальник! Конечно, есть. И кое-что получше левой водяры, что Мурат-Кули с Чары на своей автолавке привозит.

Лейтенант приподнял рубашку. Под ремнем брюк была вставлена плоская алюминиевая пол-литровая фляжка:

– Спирт, Саня! Чистейший, медицинский!

– Где взял?

– Военная тайна! Не, серьезно! Не спрашивай, не скажу! Человек, что дал, просил не говорить. Я обещал!

– Ну, раз обещал, тогда вопросов нет! А где выпьем? В столовой?

– На хрена? Вон у баков с «колючкой». Там и кружка, и вода, и нет никого!

Под «колючкой» подразумевался отвар из верблюжьей колючки. Военнослужащим в целях профилактики серьезных инфекционных заболеваний, которые в Туркмении было подхватить так же легко, как грипп в России, запрещалось пить воду. Только отвар. Его они носили во фляжках, и командиры строго следили за этим. Что, впрочем, не гарантировало сохранения здоровья. Инфекционное отделение медсанбата никогда не пустовало.

Тимохин согласился:

– У баков, так у баков. Только немного и быстро!

– Как скажешь! В рот лишнего заливать не собираюсь.

– У тебя и не получится.

Офицеры расположились на лавке у баков. Шестаков достал фляжку, разлил спирт по кружкам. Разбавил отваром колючей жидкости. Выпили. Тимохин почувствовал облегчение, груз размышлений давил не так сильно, как прежде. Александр, закулив, спросил:

– Ну, как вчера отдохнул?

Лейтенант махнул рукой:

– Да никак, можно сказать!

– Что такое?

– Не прет мне, Саня! Пошел в клуб как человек. Подзарядился, но в меру. С Пашкой Карчевиным еще пузырь сухого раздавили, за столом его аппаратуры. Гляжу, Катька появилась, с библиотекаршей, Сайфулиной Верой. Танцевать начали. Я попросил Пашу медленную музыку поставить. Карчевин врубил медляк. Подкатываю к Катьке. Все чин по чину, разрешите, мол, на танец пригласить. А она, представляешь, накрашенную свою физиономию в сторону и говорит – с пьяными не танцую. Иди лучше проспись. Я ей – охренела совсем? Какой я тебе пьяный? Нет, действительно, ведь почти трезвым был. Она – от тебя сивухой на километр разит, отстань. Найди другую подружку, вон в углу стоят, из микрорайона прикатили. Ну, тут меня злость и взяла. Спрашиваю – ты чего борзеешь? Чего целку-то из себя строишь? Короче, погнал по полной. А тут замполит наш откуда-то вынырнул. В чем дело, лейтенант? А в чем дело? Да ни в чем. Отвали, говорю. Василенко глаза выпучил – ты в своем уме или пропил его к чертовой матери? Ну, я послал на хер замполита. Тот словно язык проглотил. Смотрит на меня, глазами моргает, а сказать ничего не может. Не ожидал подобного. Я до кучи Катьку вслед за замполитом в том же направлении отправил и – на выход. Автолавка еще стояла, но Марат-Кули уже закрыл ее. Я к нему – дай пузырь. Дал. Из кабины. С пузырем обратно в клуб и напрямик к Карчевину. Тот все вино свое тянул, а я водочки принял. Думал, нажрусь. А тут вдруг к столу бабенка из микрорайона подваливает. Рядом со столом встала и стоит, не танцует. С виду ничего. Я Пашке – объяви, мол, белый танец. Ну, ты Карчевина знаешь, свой мужик. Объявляет. И бабенка ко мне. Приглашает.

Тимохин попросил:

– Короче, Вадик, можно?

– Ну, если короче, то уже через полчаса мы с ней были у тебя на хате. У нее в сумочке еще водка с собой. Выпили. Потом только помню, как платье с нее снял, лифчик оборвал, не мог

расстегнуть. И кранты. Память отключилась. Просыпаюсь часов в шесть. Подруга рядом голая. На столе полбанки водки. Встал, похмелился. Голый. И она голая, простыня сползла. Гляжу на нее и думаю, а было ли чего? Ведь не помню ни хрена. А главное, даже не представляю, как зовут-то ее. Она тоже проснулась. Улыбнулась, повернулась ко мне, голову на ладонь положила и спрашивает – ну, как тебе, хорошо со мной было? А я знаю? Но, значит, было. Отвечаю – не то слово. Ты девочка – класс. А она как заржет. Да откуда тебе знать, если я так и не смогла тебя возбудить? И ты уснул. Въезжаешь, Сань? Каково мне было? Но до конца-то погоны опозорить не мог! Наваливаюсь на нее – вчера не было, сейчас будет. И тут понеслось! Ух и страстной баба оказалась. Неизвестно, кто кого поимел. Скорее она меня.

Старший лейтенант спросил:

– Но имя-то ее узнал?

– Потом, конечно! Ленка. Лена Митрофанова. Живет в микрорайоне на своей хате, служит прапором на зоне, в Управлении, разведена, детей нет, а вот желания иметь мужичка стоящего хоть отбавляй. Свои надоели, да и бестолковые они, одно слово тюремщики, захотела с настоящим офицером познакомиться. Поэтому с подругами и приехала в гарнизон.

– Так, значит, ты теперь при даме?

– А чего? Я ее обслужил по всем правилам. Часа три отработал.

– Так ты ее или все же она тебя?

– Да какая разница? Главное, довольна осталась. Сегодня будет ждать у себя. Думала, что хата, где кувыркались, моя, а как узнала, что я в общаге обитаю, позвала к себе.

Александр спросил:

– Поедешь?

– Ясный палец! А чего? Баба она, конечно, тертая, не одного такого кавалера, как я, имела, а мне-то что, жениться на ней, что ли? Погуляем, пока не надоест, да и разбежимся.

– А если любовь разыграет?

– Вот если разыграет, тогда и думать будем.

– Надеюсь, на хате после себя бардак не оставили?

Лейтенант поднял палец вверх:

– Нет! Ленка такой порядок на хате навела, что ты свою берлогу вечером не узнаешь. Чистюлей оказалась. И в этом ее очень большой плюс! Я терпеть грязнуль и неопрятных не могу! А эта чистюля.

– Хорошо! Она старше тебя?

– Наверное! Но разве я мог об этом спросить? Кто ж у женщины возраст спрашивает. Но, думаю, старше. Ненамного. Ей где-то лет двадцать семь, двадцать восемь. Самое то! Еще поглотим?

Старший лейтенант отказался:

– Нет, Вадим! Мне еще обед контролировать, смену готовить, бумаги заполнять.

– Слушай, а чего у тебя с бойцом каким-то ночью произошло? Кто-то что-то из ребят сказал, а что конкретно, не врубился!

Тимохин ответил:

– Ничего особенного! Ерунда!

– Да? Ну и ладно! Пойду к себе в общагу, просплюсь, потом костюмчик новый летний отглажу, душ приму и, с последней маршруткой в поселок! На встречу со страстной Еленой!

– Ты смотри, поаккуратней в микрорайоне. Один по улице не шатайся!

– Да ладно! Кого бояться? Ментов, что ли? Или верблюдов местных? Видал я тех и других. Тем более что Лена ждать меня на остановке будет, а дом ее, как она говорила, рядом. И с остановкой, и с магазином.

– Цветы купи!

– Цветы?

– Да! Сейчас съезди на рынок и купи.

– Чтобы они до вечера в веник превратились? Нет уж, я лучше попозже медсанбатовскую клумбу у КПП разорю. Она как раз напротив круга маршрутки!

– Ну, как хочешь! Ладно! Удачи тебе. Пошел в столовую. Это ты сегодня птица вольная, я же закольцованная по рукам и ногам. Да еще завтра комдив приезжает. Опять на randevu идти.

Шестаков спросил:

– Тебя тоже к генералу тащат?

– Что значит «тоже»?

– А то, что и мне следует завтра ожидать вызова к комдиву. Опять всех раздолбаев гарнизона собирает. Уму-разуму учить. Вот только тебя за что? Ты вроде последнее время не влетал. Хотя у политруков в записных книжках компромат на всех имеется! И что у них за должность паскудная такая?

– Должность-то нормальная. Нужная. Только кое-кто под собственные интересы ее подстраивает. Тем более что это сделать очень просто!

– Хрен с ними! Чего о плохом думать. Плохое, оно завтра само проявится, а сегодня все ништяк. Давай, Сань! Удачно тебе закончить наряд!

– Давай, Вадик! Не забудь утром в часть вернуться. А то зависнешь у Елены на неделю!

– Не забуду!

Офицеры пожали друг другу руки и разошлись.

Дождавшись 18-00 и сдав наряд, старший лейтенант Тимохин пришел домой и, действительно, с трудом узнал в своей запущенной квартире вполне приличное, уютное помещение, где еще витал запах, видимо, дорогих французских духов новой знакомой лейтенанта Шестакова. Приняв душ и включив кондиционер, Александр упал на кровать и тут же уснул. Крепко, без сновидений.

Глава четвертая

В понедельник 11 июня Тимохин проснулся ровно в 6-00. Так было всегда. Во сколько бы и каким ни ложился Александр спать, в шесть часов он вставал. Настроение по-прежнему было плохое. Старший лейтенант побрился, помылся остатками воды в баке уличной душевой, оделся. На завтрак в офицерскую столовую не пошел. Аппетит отсутствовал напрочь. Решил пойти в казарму. На улице столкнулся с Шестаковым. Тот вышел к дому Тимохина со стороны общежития. Невыспавшийся, что бросалось в глаза, но чисто выбритый, в отглаженной форме и трезвый:

– Привет, Саня! В столовую направляешься?

Тимохин ответил:

– Привет! Не в столовую, завтракать нет никакого желания. А ты неплохо выглядишь. К приему комдивом подготовился? И запах от тебя приятный, что за одеколон, где взял?

Шестаков довольно улыбнулся:

– Ты же знаешь, у кого и где я провел ночь.

– Знаю, ну и что?

– А то, Саня, что Елена оказалась чудом. Я и не ожидал, что она так примет меня. И встретила, и домой провела, и накормила, а уж что было дальше, просто сказка. Выпили немного, думал, по трезвяне ни хрена путного в постели не получится. Не будет азарта. А оказалось все наоборот. Такого кайфа я еще ни разу в жизни не получал. Наши бабы по сравнению с Ленкой ерунда. Часов до трех кувыркались. И заметь, без подзарядки спиртным. Форму мою она еще с вечера постирала, а в пять уже встала, погладила все, завтрак приготовила. Встал как человек. Башка не болит, на душе легко, жизнь светла. И одеколон она мне подарила. В общаге оставил. Такие вот дела. Нет, что ни говори, а бабы годами постарше лучше молодняка. Потому что знают, как мужика ублажить.

Тимохин похлопал товарища по плечу:

– Короче, Вадик, влюбился ты в очередной раз по уши!

– Почему в очередной раз? Обижаешь!

– Не ты ли то же самое говорил о близости со связисткой, которая потом замуж за майора пехотинца вышла?

– Э-э, Саня, то о близости, о сексе. А тут вообще об отношениях. Анька-связистка, базара нет, тоже в постели хороша была. Но мы с ней только вино пили да любовью занимались. С Еленой же совсем другое. Мы с ней и кувыркались, и о жизни между делом разговаривали. Она мне о себе рассказала, я ей о себе. Причем не приукрашивая, а правду. Мог приврать, но не стал. Спросишь, почему? Отвечу, а хрен его знает? Потянуло ни с того ни с сего выложить ей о себе все как есть.

Тимохин взглянул на Шестакова:

– Прям-таки все?

– Сань! Не веришь, что ли? Сказал, все, значит, все. И что в лейтенантах пять лет хожу из-за характера своего упертого, и что водку жру до беспамятства иногда. И что перспектив по службе у меня нет никаких. И даже о всех бабах, с которыми спал, как на духу рассказал.

Александр усмехнулся:

– О всех ли? Никого не забыл?

– Подкальываешь, да?

– А что, нельзя? Ладно, извини. И как же отреагировала на твои признания Елена?

– С пониманием, в отличие от других!

– О себе она, наверное, не так откровенно говорила?

– Проверить, конечно, ее слова невозможно, но мне этого и не надо. А насчет откровенности, то Лена тоже многое рассказала.

– И как результат предложила сегодня вновь встретиться, да?

– Да! В этом есть что-то странное?

– Нет! Я рад за тебя!

– Скажи еще, мол, при ней, глядишь, и человеком стану.

– Ты и так нормальный мужик. Я действительно рад за тебя!

– Заметно!

– Серьезно! А то, что эту радость внешне не проявляю, то это из-за плохого настроения.

Шестаков поинтересовался:

– Это из-за козла Гломова, что ли? Или из-за вызова к комдиву?

– Нет, Вадик! Это все пустяки.

– Так из-за чего?

– Да ни из-за чего! Просто с утра плохое настроение.

– Нет! Чего-то ты, дружок, недоговариваешь! Но дело твое. Захочешь – расскажешь. Пойдем в часть?

– А больше и некуда!

Лейтенант взял Александра под руку:

– Слушай, Сань, у Ленки есть подруга. По соседству живет. Тоже одна, тоже разведенка, тоже без детей. Симпатичная, миниатюрная такая. Хочешь, мы с Еленой познакомим тебя с ней? Вместе будем в микрорайон после службы ездить. И отдыхать на природе вместе! Подруга, хоть и росточка небольшого, но фигуристая, привлекательная. Тебе понравится!

– Откуда тебе знать, понравится она мне или нет?

– Ну, если Люблина нравится, то подруга Лены гораздо приятней Ирки.

Тимохин улыбнулся:

– Я подумаю над твоим предложением, а сейчас пошли в батальон, скоро построение на развод.

– Подумай, Саня, обязательно подумай! Ты ж ничего не теряешь. Ну, не подойдет одна подружка, подойдет другая. Никто не понравится, да и хрен с ними. Будешь с Иркой в любовь играть!

– Все, закрыли тему! Скажи лучше, как одеколон называется. Тоже куплю себе такой!

– А черт его знает! На этикетке название по-французски написано. Двумя словами. Но я тебе покажу флакон. Освободимся после беседы с комдивом, и покажу!

Офицеры направились в часть, где на плацу старшины рот строили свои подразделения. Тимохин увидел ротного. Тот стоял, ожидая, когда выстроится рота по ремонту автомобильной техники. Подошел:

– Здорово, Серега!

– Привет! Как дела?

– Лучше всех! Комдив не приехал еще, не знаешь?

– Не знаю!

Смагин указал на построившееся подразделение:

– Командуй, Саня!

Тимохин подал команду «Смирно», доложил Смагину о том, что в роте никаких происшествий не произошло, отошел в сторону. Ротный поприветствовал личный состав. Тот ответил дружным, громким:

– Здравия желаем, товарищ капитан!

Смагин развел подразделение по шеренгам, бегло осмотрел внешний вид подчиненных. На плац вышел комбат с заместителями.

Повторилась та же церемония. Начальник штаба отрапортовал Галаеву. Подполковник поздоровался с личным составом части. После чего вызвал офицеров и прапорщиков на середину плаца. Провел короткий инструктаж, во время которого замполит обошел строй, вынюхивая перегар у подчиненных. Но сегодня никого не выцепил.

Комбат отдал команду командирам развести подразделения по мастерским и боксам парка, приказав старшему лейтенанту Тимохину и лейтенанту Шестакову остаться.

Как только плац опустел, над гарнизоном пророкотал вертолет, заходя на посадочную площадку у штаба танкового полка.

Галаев повернулся к Тимохину и Шестакову:

– Вот и комдив прибыл! Следуем в штаб танкистов. Генерал решил начать свой рабочий день у нас со встречи с вами!

Замполит усмехнулся:

– Смотри, сколько внимания нарушителям воинской дисциплины!

Тимохин взглянул на Василенко, но смолчал. Будет еще время высказаться. За этим дело не станет. И замполит, и начальник штаба собрались было тоже пойти в штаб танкового полка, но комбат осадил их, приказав:

– Вы, товарищи заместители, займитесь своими делами. Будете нужны, вызову!

Майор с Гломовым недовольно переглянулись, но не подчиниться не могли. Отправились в парк.

Комбат с Тимохиным и Шестаковым пошли к штабу танкового полка. Лейтенант спросил Галаева:

– Товарищ подполковник, не скажете, в чем причина нашего с Тимохиным вызова к командиру дивизии? Или это уже стало традицией у генерала? По прибытии сюда собирать нас?

Галаев ответил:

– А ты об этом у самого комдива и спроси!

– У него спросишь! Хотя почему бы и нет? Что, во всем гарнизоне ему поговорить не с кем? Или только мы с Тимохиным, причем постоянно, такую честь заслуживаем?

– Спроси, лейтенант, обязательно спроси.

Тимохин проговорил:

– Тебе, Вадик, не спрашивать придется, а отвечать.

– За что?

– Не за что, лейтенант, а по существу вопросов, определенных докладными записками наших доблестных политработников и его благородия господина Гломова!

Комбат обернулся к Тимохину:

– А ну отставить базар! Разговорились!

Шестаков махнул рукой:

– Послать, что ли, все к едрене фене? Надоело! Из тебя дерьмо делают, а ты еще и молчи!

Галаев остановил офицеров:

– Так! Вижу, не поняли меня! Ты чего выступаешь, Шестаков? На неприятность напороться хочешь?

– А разве уже не напоролся? Или комдив нас для милой беседы с чаепитием вызывает? Ему больше делать нечего, кроме как беседовать с младшими офицерами о житье-бытье. Докладные прочитает и начнет разносить, не вдаваясь особо, кто прав, а кто виноват. Впрочем, в армии всегда виноват младший по должности и званию! Но я сегодня тоже молчать не буду! А то у нас Гломов с Булыгой такие чистенькие и заслуженные, что их рожи впору рядом с фото членов Политбюро в ленкомнатах вешать!

Комбат повысил голос:

– Да замолчишь ты, Шестаков?! Бойцы вокруг! Желаете выступать, выступай! Но не при солдатах, а перед комдивом. Посмотрю я, как ты гонор свой перед генералом проявишь! А сейчас молчи. Это приказ!

Лейтенант сплюнул на асфальт:

– Задолбало все!

Дальше шли молча. Их встретил замполит танкового полка:

– Так! Рембат прибыл! Очень хорошо! Генерал сейчас с командирами полков короткое совещание проводит, определяет распорядок дня, после этого займется вызванными на беседу офицерами. На сегодня таковых немного. Ваши двое и наш один.

Шестаков поинтересовался:

– А кто из ваших вызван?

Замполит-танкист охотно ответил:

– Начфин! Странно, да?

Вадим переспросил:

– Начфин? Действительно странно. Он-то что мог натворить? Или с «бабками» залетел?

– А вот это, лейтенант, вас не касается!

– Конечно! Нас ничего не касается! Кто мы есть-то?

Комбат сказал:

– Офицеры! Или этого, Шестаков, мало? Эх, чувствует мое сердце, доиграешься ты! И губой на этот раз не отделаешься!

– А мне плевать! Терять нечего!

Замполит танкового полка прервал перебранку, предложив:

– Пройдите в приемную! Наш начфин уже там, он пойдет на собеседование первым.

Он взглянул на комбата:

– Вы, Марат Рустамович, в принципе можете заняться своими делами. Представлять вызванных офицеров приказано мне!

Галаев ответил:

– Я знаю, чем мне заниматься, Игорь Дмитриевич. Так что не волнуйтесь!

– Как хотите, как хотите! Приемная знаете где, я подойду туда буквально через несколько минут.

Рембатовцы прошли в приемную командира танкового полка. Там сидел удрученный начфин полка, капитан Беляев. Шестаков был знаком с ним:

– Привет, Андрюша! Чего голову повесил? Первый раз на вздрючку генерала идешь?

Капитан вздохнул:

– Первый!

– На чем залетел-то?

– Зарплату надо было выдавать, а я накануне с дружкой день рождения его отметил. Утром встать не смог!

– Да, зарплата – это серьезно! Но, по большому счету, ерунда. Подумаешь, в положенный день не выдал.

– Ерунда ерундой, а вот обернулась сильным скандалом.

– Это все потому, что вас, начфинов, штабистов всяких, в части особо не уважают. Но нос не вешай. По перваку комдив строго не наказывает. Получишь замечание и пойдешь в свою финчасть!

Беляев взглянул на Шестакова:

– Думаешь?

Тот ответил категорично, словно знал решение командира дивизии:

– Сто пудов!

Начфин поинтересовался у Шестакова:

- А тебя сюда за что вызвали?
- По совокупности заслуг.
- В смысле?

Ответить Шестаков не успел.

Появился замполит полка с командиром рембата, и тут же из кабинета вышли командиры полков. Младшие офицеры встали. Полковники вышли из приемной, не обратив на них никакого внимания. Тут же подполковник Трухин указал на дверь начфина:

- Вперед, Беляев!

Капитан еще раз вздохнул и скрылся в кабинете. Пробыл там он недолго. Вышел, вытирая лицо платком.

Шестаков спросил:

- Ну и что?

– Ты оказался прав! По первому разу замечанием отделался. Но крут генерал, крут! Чтобы еще раз... ни-ни!

Комбат прервал диалог своего взводного с начфином танкового полка:

- Шестаков! Пошел!

Лейтенант подмигнул Тимохину, взглянул на Галаева:

- В случае преждевременной кончины прошу считать меня коммунистом!

Комбат подтолкнул командира взвода:

- Иди, клоун! Там тебе не так весело будет!

Галаев вошел в кабинет вместе с лейтенантом.

С Шестаковым командир дивизии беседовал минут десять. Наконец Вадим вышел, взглянул на Тимохину:

– Ты смотри, не ожидал. У генерала хорошее настроение. Думал, на гауптвахту определит, а он просто выговор объявил. Повезло. Так что иди к нему смело.

Из глубины служебного помещения донесся голос комбата:

- Тимохин! Заходи!

Шестаков хлопнул друга по плечу:

- Ни пуха, Саня!

- Иди к черту!

- Лады! Я дождусь тебя у штаба!

Александр вошел в просторный кабинет.

За столом сидел подтянутый, строгий с виду худощавый генерал. Правую щеку его рассекал шрам, волосы были побиты обильной сединой. На груди колодки орденов Красного Знамени, Красной Звезды, За службу Родине, боевых медалей. До назначения командиром дивизии Максимов командовал в Афганистане десантно-штурмовой бригадой. Комбат скромно пристроился справа от комдива, перед которым лежала открытая папка.

Александр доложил:

- Товарищ генерал-майор, старший лейтенант Тимохин по вашему приказанию прибыл!

Максимов указал на стул, стоящий напротив комбата справа:

- Присаживайся, старший лейтенант!

Тимохин выполнил распоряжение командира дивизии.

Генерал начал листать содержимое папки. Как оказалось, всего три заполненных четким почерком стандартных листа, комментируя прочитанное:

– Итак! Что на этот раз натворил товарищ Тимохин? Замечен пьяным, время 18-55, место – военный городок.

Он взглянул на комбата:

– А как, интересно, Марат Рустамович, твой заместитель по политической части определил, что старший лейтенант пьян? Справки медицинского освидетельствования не приложены. И 7 часов вечера – это не служебное время. Что скажешь, подполковник?

– Определил как-то!

– Вот именно, как-то! А сам он в это время в порядке был?

– Не знаю!

– Дальше! Пререкание с начальником штаба в присутствии офицеров возле контрольно-технического пункта парка боевых машин батальона. Дата, время! Объяснительная капитана Гломова. А где объяснительная Тимохина?

Генерал взглянул на комбата:

– Я тебя, Марат Рустамович, спрашиваю.

Тимохин поднялся:

– Разрешите, отвечу я, товарищ генерал!

– Ну, давай!

– Я отказался писать объяснительную!

– Почему?

В разговор вступил Галаев:

– Извините, Николай Георгиевич, отношения заместителя командира роты и начальника штаба батальона носят особый характер!

– Мне это известно! Мне непонятно, почему старший лейтенант отказался писать объяснительную записку.

Генерал перевел взгляд на Александра:

– Ну? Почему?

– Потому что объяснять нечего было. Наш разговор слышали и замполит, и секретарь партбюро Булыгин. А все эти записки, кому они нужны? Я прямо высказал Гломову, что он из себя представляет, и от слов не отказываюсь. А бумаги пусть замполит пишет. Это его работа.

– Тебе не кажется, Тимохин, что ведешь себя вызывающе? И забываешь иногда, что служишь в армии, а не трешься где-нибудь на гражданке. Забываешь, что в армии существуют такие понятия, как субординация и воинская дисциплина. Кто бы ни был твоим начальником, ты обязан ему подчиняться. Не кажется?

– Виноват, товарищ генерал-майор!

Что еще мог ответить комдиву старший лейтенант?

Максимов передразнил Тимохина:

– Виноват!

Генерал спросил Галаева:

– Товарищ подполковник, а ваш секретарь партбюро – уж не тот ли старший лейтенант, которого гоняли пьяные солдаты по полигону?

Галаев утвердительно кивнул:

– Он самый!

– Тогда ничего не понимаю! Как этот офицер мог возглавить партийную организацию, если его самого еще воспитывать и воспитывать надо?

– Вы же знаете, товарищ генерал, как это происходит. Мой замполит согласовал кандидатуру Булыгина с начальником политотдела дивизии, собрание части избрало старшего лейтенанта секретарем.

– Так! А парткомиссия утвердила кандидатуру Булыгина?

– Насколько мне известно, пока нет. Должна на ближайшем заседании утвердить.

Комдив поднял трубку телефона:

– Соедините меня со штабом соединения!

И через несколько секунд:

– Максимов! Начальника политотдела, срочно!

Вновь непродолжительная пауза, после чего:

– Николай Николаевич? Максимов! ... Хорошо... нормально долетел... да, да, у меня к вам вопрос. За какие такие заслуги в ремонтно-восстановительном батальоне секретарем партбюро вы согласились определить старшего лейтенанта Булыгина? ... Ну и что? ... Вот оно как? Значит, выдвинул Василенко. И давно вы идете на поводу у заместителей в частях? Да, я против. Категорически против. ... Нет. Пусть решит парткомиссия, но я обязательно выступлю на ней, так что прошу без меня ее не проводить.

Генерал положил трубку на рычаги.

Взглянул на комбата:

– Подбирайте себе другого партийного лидера.

И как ни в чем не бывало продолжил чтение обобщенных докладов по Тимохину:

– Вновь употребление спиртных напитков.

Он поднял глаза на старшего лейтенанта:

– Ты что, Тимохин, запойный?

– Никак нет!

– Но тут отмечено, что ты постоянно пил почти неделю.

– Ну, раз отмечено, значит, запойный.

Генерал взглянул на комбата:

– В чем дело, Марат Рустамович?

Подполковник откашлялся:

– Я не видел и не читал содержимое этой папки.

– Замечательно! Так, а это что? Совсем свежий документ, рапорт начальника штаба. Ты, Марат Рустамович, разрешил заместителю обращаться к вышестоящему командованию?

– Да! В устной форме!

– Что ж, посмотрим, что хочет довести до командира дивизии твой начальник штаба.

Прочитав рапорт, Максимов бросил его на стол перед Тимохиным:

– Гломов написал правду?

Александр взглянул на текст рапорта, ответил:

– Не совсем! Никто его не трогал. Стычка была, да, но без рукоприкладства. Солдаты наряда могут подтвердить.

Генерал откинулся на спинку кресла:

– Опять стычка с начальником штаба!

За Тимохина неожиданно заступился командир батальона:

– Знаете, Николай Георгиевич, Гломов может вывести из себя кого угодно. Спесивая, самодовольная, высокомерная личность. Я просил перевести его в автобат! Мне такой начальник штаба не нужен! И Тимохин здесь ни при чем! Мне Василенко хватает, а дуэт с Гломовым для батальона это уже перебор.

Максимов спросил:

– Не помню, Гломов в Афганистане служил?

– Никак нет!

– А Василенко?

– Тоже нет!

– Ясно! О них позже, сейчас мы разбираем поведение Тимохина. И оно далеко не безупречно.

Генерал повернулся к старшему лейтенанту:

– Ответь мне, Тимохин, ты что, спокойно жить и служить в батальоне не можешь? Только не кивай на замполита и начальника штаба. В конце концов, если бы соблюдал требования Устава, то у них просто не могло быть к тебе претензий! И этого, – он поднес папку, – не было

бы! Я читал отзывы о том, как ты работаешь в командировках. И с отчетами о проведении вашей группой сложных акций знаком. И у меня создается впечатление, что в Афгане Тимохин один человек, а в рембате, в Союзе, совершенно другой. Ты специально здесь нарываешься на неприятности? Или считаешь, если понюхал порошу, то остальные тебе в подметки не годятся? Ты боевой офицер, а кто не воевал – полуфабрикаты?

Тимохин ответил:

– Я такой, какой есть. И здесь, и «за речкой» никого ниже себя не ставлю, но терпеть беспредел начальников, которые ради собственной карьеры готовы идти по головам подчиненных, не намерен. Кто хочет, пусть терпит, я не буду. Можете делать со мной все что угодно.

Генерал покачал головой:

– Понятно! Мне ясна твоя жизненная позиция. Не один ты такой у меня. И это хорошо! Но вот как мне подписывать представление о твоём новом назначении с повышением?

Тимохин ответил:

– Вас кто-то заставляет переводить меня на вышестоящую должность? Не подписывайте представление, раз не можете, я в претензии не буду. Тем более что повышение это – туфта полнейшая. Должность старшего инженера никому не нужна. Ну разве что офицерам, которым дают дослужить выслугу, чтобы без пенсии не остаться.

Максимов поднялся, прикурив сигарету, прошелся по кабинету:

– Я бы, может, и не подписал, раз желаешь и дальше в старших лейтенантах ходить. Но все дело в том, что тебе уже присвоено звание капитана. Мое же представление чистая формальность, дабы придать присвоению обоснование. Хорошее же у меня получается обоснование повышения офицера, который оброс взысканиями, как кактус иглами. И ты, Тимохин, не хочешь мне помочь.

– Но что я-то могу сделать, если сами видите, – старший лейтенант указал на папку, – замполит с начальником штаба в дерьмо хотят втоптать меня. Ну не по нраву им, когда кто-то осмеливается высказать собственное, отличное от их, мнение! Когда так называемые офицеры постоянно провоцируют на столкновение, да еще и врут в рапортах. Причем внаглую! Что мне, задницу им лизать?

– Ладно, успокойся! И не забывайся. Все же с командиром дивизии разговариваешь!

Генерал затушил окурок, вернулся за рабочий стол:

– Там тебе не только капитана присвоили, еще и медалью «За боевые заслуги» наградили. Медаль у полковника, что курирует ваши группы. Поздравляю!

– Спасибо! Интересная у нас беседа получилась!

– Да, интересней не бывает! Значит, в четверг убываешь в штаб округа!

Максимов взглянул на комбата.

Подполковник кивнул:

– Я в курсе, нужные документы будут готовы.

– Ты еще пару человек в Ашхабад откомандируй, чтобы командировка Тимохина не привлекла ненужного внимания.

– Есть! Все сделаем, как надо, Николай Георгиевич!

Комдив спросил у Тимохина:

– Где последний раз задачу отрабатывали?

Старший лейтенант ответил:

– Недалеко от Саланга.

– Тяжело было?

– Нормально!

Генерал задумчиво повторил:

– Нормально! Мои тоже всегда отвечали нормально, а потом груз «200» в Союз отправляли. Война – это уже ненормально. Но ладно!

Он встал, протянул руку Тимохину:

– Удачи тебе на выходе! И давай-ка договоримся, пока находишься здесь, в гарнизоне, ведешь себя тихо. С замполитом, Булыгиным и Гломовым я разберусь. Новая должность позволит тебе обрести некую самостоятельность, должность инженера тем и хороша, что она, действительно, никому не нужна, а офицер, занимающий ее, не имея личного состава, подчинен заместителю по вооружению и командиру части. К тому же его гораздо проще отправлять в любую командировку! Ну что, договорились, Сан Саныч?

Старший лейтенант пожал руку комдиву:

– Договорились, товарищ генерал!

– Вот и хорошо! Тимохин свободен! Галаев, останься на пару минут!

Александр вышел из штаба танкового полка на улицу, где его дожидался Шестаков. Лейтенант тут же подошел к Тимохину:

– Долго тебя продержал комдив! Сильный разнос устроил?

– Да нет, просто поговорили по душам!

– Говорил же, у комдива сегодня хорошее настроение. Но за стычку с начальником штаба вздрючил?

– Не без этого!

– В общем, на этот раз пронесло! А Василенко с Булыгиным каковы, а? Это ж надо, чуть ли не по минутам нашу службу расписали. Хотя насчет тебя не знаю, а вот обо мне все написали. Я не помню, что делал, они помнят. Ну не суки, Сань?

– Мы с тобой тоже хороши!

– Ты чего?

– Ничего! Прав комдив, перед тем, как на кого-то кивать, следует на себя со стороны посмотреть!

– Э-э! Видно, хорошо тебя генерал обработал.

– Неплохо, Вадик, неплохо! Надо подзавязывать борзеть! Лишить этих стукачей возможности закладывать нас! Что совершенно не означает гнуться перед ними! Просто не давать повода зацепить, и все!

– Так что, ты теперь на мировую с Гломовым пойдешь?

– Не дождется!

– Тогда я ни хрена тебя не понял!

– Не ломай голову, Вадик! Служи по-тихому, тем более – у тебя сейчас стимул образовался в виде прекрасной Елены. Оттрубил свое в батальоне – и к ней!

Лейтенант потер подбородок:

– А ты прав, Сань! В микрорайоне закладывать некому, так что там спокойно можно и выпить, и расслабиться. Вот если б еще и ты с подружкой Ленки схлестнулся, вообще отлично было бы! Еще не надумал познакомиться с ней?

– Еще не надумал.

– Ладно, думай. Надумаешь скажешь, сходняк вмиг организую!

– Лады! А сейчас по ротам!

– Быстрее бы день пролетел!

– Пролетит, если делом займешься.

– Да, дел хватает.

Офицеры, дойдя до плаца батальона, разошлись в разные стороны. Шестаков направился сразу в парк боевых машин и мастерских, Тимохин решил заглянуть в казарму. Там дежурный передал ему телеграмму. Вызов на телефонные переговоры. Мать, видимо, соскучилась, а может, и случилось что. Он взглянул на время переговоров. 19-00 по Москве, значит, в 22-00 по местному. Пойдет. Переговорный телефонный пункт в это время, как правило, свободен, соединят быстро. Надо «копейку» проверить. Последняя маршрутка уходила от магазина

гарнизона в 19-30. Больше в Кара-Тепе, кроме дежурной машины, добраться не на чем. Но дежурку надо еще выпрашивать. Хорошо, что «Жигули» год назад приобрел по сходной цене. Автомобиль был весьма полезен в отдаленном гарнизоне. Положив телеграмму во внутренний карман рубашки, Тимохин направился в парк. Переодеваться не стал. Времени до обеда осталось всего ничего. Командира роты нашел на площадке перед ПТОР, пунктом технического обслуживания и ремонта машин. Тот распекал молодого солдата второго взвода. Увидев заместителя, спросил:

– Освободился?

– Как видишь!

Ротный, отпустив солдата, поинтересовался:

– Ну и чего там было у комдива?

– Все нормально!

– Шестака генерал, как обычно, отправил на губу?

– Нет!

– Даже так?

– Максимов сегодня в хорошем настроении.

– Ясно!

Тимохин достал телеграмму, протянул Смагину:

– Вот, в казарму с почты принесли.

Прочитав текст, капитан кивнул:

– Понятно! Мать – это святое!

– Ты прав! А где сейчас твоя?

– Маришка, что ли?

– У тебя есть вторая жена?

– Как где? В медсанбате своем.

– Она на обед домой приходит?

– Конечно! Кто же мужа кормить будет?

– Муж и сам мог бы себе приготовить. Но ладно, мне поговорить с ней надо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.